# ОЧЕРКЪ
# СЛАВЯНСКОЙ МИѲОЛОГІИ.

Къ числу отрадныхъ явленій русской науки за послѣднее время можно отнести неожиданное и быстрое развитіе славянской миѳографіи. Недавно состоявшая изъ однихъ намековъ и частныхъ предположеній, она растетъ на нашихъ глазахъ и въ скоромъ времени обѣщаетъ принять совершенно опредѣленный видъ. Причина этому одна: постепенное накопленіе источниковъ, дошедшее наконецъ до такого обилія, что изъ отдѣльныхъ обломковъ стало возможно возстановлять древніе величавые образы, казалось, разбитые въ прахъ и навсегда утраченные для потомства. Главный толчокъ дѣлу, конечно, былъ данъ драгоцѣнною книгой Аѳанасьева, которая сдѣлалась энциклопедіей русской миѳологіи и соединила въ себѣ, кромѣ собственныхъ изслѣдованій сочинителя, множество отдѣльныхъ трудовъ другихъ лицъ, по своей дробности до сихъ поръ не могшихъ принести надлежащей пользы. Значительное дополненіе къ этому запасу миѳовъ представляютъ вышедшія недавно бѣлорусскія пѣсни и объясненія, приложенныя къ нимъ издателемъ г. Безсоновымъ. Но должно полагать, что дѣло на этомъ не остановится. Старина еще свѣжа въ преданіяхъ славянскаго племени, въ самой Руси много еще не изслѣдованныхъ мѣстъ, а затѣмъ остаются разные глухіе закоулки славянщины. Наконецъ изученіе другихъ миѳологій идетъ также своимъ путемъ и помогаетъ намъ

понимать нашу собственную. Вообще во всякой наукѣ наступаетъ рано или поздно время, когда ея накопившіяся силы какъ будто внезапно преодолѣваютъ державшія ихъ преграды и, вырываясь, на просторѣ совершаютъ въ нѣсколько лѣтъ дѣло, къ которому готовились многія поколѣнія. То же происходитъ теперь съ славянскою миѳологіей.

Но въ этой наукѣ покамѣстъ педостаетъ одного: нѣтъ полной системы, и изслѣдованія объ отдѣльныхъ миѳахъ все еще не связаны общею нитью; мы понимаемъ символику природы, мы знаемъ, какъ изображались ея силы, видимъ такъ-сказать подкладку миѳологіи,—не видимъ только ея самой. Съ нашимъ язычествомъ вышло наоборотъ, чѣмъ съ классическимъ. Тамъ великолѣпные образы долго закрывали собой смыслъ миѳа, и только чрезъ много столѣтій наукѣ удалось сорвать этотъ яркій покровъ и проникнуть въ сущность древней вѣры; у насъ не такъ: у насъ символы ясны,—не видимъ только цѣльнаго кумира. Или у насъ ихъ и не было? Но это невозможно: человѣкоподобные боги имѣлись у народовъ несравненно менѣе развитыхъ, чѣмъ нашъ. Положимъ, что славянская миѳологія не успѣла совершить столь полнаго круга, какъ нѣкоторыя другія, но все-таки не одно тысячелѣтіе прожили наши предки, какъ отдѣльное, вполнѣ обособившееся племя: было, кажется, время выработать сколько-нибудь опредѣленную миѳологію. Попробуемъ, не удастся-ль намъ различить во множествѣ волнующихся миѳовъ чего-нибудь осѣвшаго, прочнаго, что бы отдѣляло миѳологію славянъ отъ другихъ арійскихъ народовъ и было бы обще если не всему нашему племени, то по крайней мѣрѣ хоть большей его части.

Въ этихъ видахъ мы и написали нашъ очеркъ. Это только попытка, но вѣдь надо же когда-нибудь начать. Можетъ, наша система инымъ покажется искусственной, но вѣдь извѣстно, что безъ искусственной системы и естественной не добиться. Конечно, трудностей въ подобной задачѣ не мало: это не то, что излагать, напримѣръ, германскую миѳологію, имѣя передъ собой Эдду. Однако вспомнимъ, что за то устныя преданія у насъ гораздо свѣжѣе, и наконецъ мы знаемъ, что славяне должны же были согласиться въ чемъ-нибудь основномъ: неужели каждая вѣтвь называла боговъ по-своему? Во всякомъ случаѣ, самая полемика, которую можетъ возбудить наша статья, будетъ полезна дѣлу, ибо заставитъ всякаго противопоставить нашей теоріи свою сколько-нибудь полную, и тогда легче будетъ су-

дить, гдѣ истина. Мы просили бы только не обвинять насъ слишкомъ строго, если у насъ встрѣтятся какія-нибудь не вполнѣ доказанныя предположенія, безъ которыхъ трудно обойтись въ предметѣ еще недостаточно разработанномъ. По нашему мнѣнію, отъ писателя можно требовать только того, чтобъ онъ не выдавалъ своихъ личныхъ гаданій и предчувствій за научную истину, въ остальномъ же, кажется, ему слѣдовало бы предоставить свободу. Въ противномъ случаѣ можетъ потерять наука, ибо часто случается, что темный и бездоказательный намекъ одного изслѣдователя бываетъ подхваченъ и доказанъ другими.

Начнемъ же кратко изложеніе вѣры нашихъ предковъ, какъ мы ее понимаемъ.

Въ основѣ всего лежитъ двуначаліе (дуализмъ). Славяне вѣрили, что міръ произошелъ отъ двухъ верховныхъ боговъ— добраго и злаго. Лѣтописецъ Гельмгольдъ такъ говоритъ о славянахъ поморскихъ: «у этого народа господствуетъ удивительное заблужденіе: на пирахъ они призываютъ имена добраго и злаго бога, вѣря, что отъ перваго произошло все доброе, а отъ втораго все злое. Злаго бога они называютъ Чернобогомъ». Изъ другихъ указаній извѣстно, что добрый именовался Бѣлбогомъ.

Миѳологія поморянъ во многомъ отличалась отъ всеславянской, но что догматъ о двухъ началахъ не принадлежалъ ей исключительно, очевидно уже изъ того, что мѣстныя названія, произведенныя отъ Бѣлбога и Чернобога, встрѣчаются по всей славянщинѣ. Кромѣ того, мы имѣемъ много письменныхъ и устныхъ разсказовъ, излагающихъ сотвореніе міра именно съ этой точки зрѣнія. Они общи всѣмъ славянскимъ народамъ и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ весьма древни. Сведя всѣ эти преданія въ одно, мы можемъ получить довольно подробный и ясный славянскій миѳъ о сотвореніи міра. Въ преданіяхъ этихъ, которыя всѣ болѣе или менѣе подверглись христіанской окраскѣ (весьма впрочемъ поверхностной), доброе и злое начало называются господомъ и сатаною. Первое имя, можетъ-быть, употреблялось и въ древности, ибо славяне весьма могли именовать верховнаго бога господомъ по преимуществу (Что вообще они величали своихъ боговъ господами, это всѣмъ извѣстно). Тѣмъ болѣе можно это думать, что въ иранской миѳологіи, столь близкой къ нашей, добрый богъ дѣйствительно называется Агура-Маздао, то-есть господь премудрый (Ормуздъ). Впрочемъ, во из-

бѣжаніе двусмыслія, мы будемъ вездѣ употреблять имена Бѣлбогъ и Чернобогъ [1].

Галицкая пѣсня такъ поетъ о созданіи міра: «Когда-то было въ началѣ свѣта, не было тогда ни неба, ни земли,—ни неба, ни земли, только синее море. А на томъ морѣ росли два дубочка, сѣли на нихъ два голубочка (бѣлый и черный, какъ видно изъ сравненія съ другими преданіями, но въ галицкой пѣснѣ это обстоятельство пропущено). Стали они совѣтъ творить и ворковать: какъ намъ свѣтъ основать? Спустимся мы на дно моря, вынесемъ мелкаго песочку—мелкаго песочка и синяго камешка; мелкій песочекъ посѣемъ, синій камешекъ подунемъ. Изъ мелкаго песочку—черна землица, студена водица, зелена травица. Изъ синяго камешка синее небо—синее небо, теплое солнышко—свѣтлое солнышко, ясень мѣсяцъ—ясень мѣсяцъ и всѣ звѣздочки».

Два дуба подставлены здѣсь по ошибкѣ. Такъ какъ голубей было два, то исказившееся преданіе и сочло нужнымъ дать каждому по дереву. Но изъ другихъ мѣстъ мы знаемъ, что всемірный дубъ одинъ: дубъ старо-дубъ или дубъ мокрицкій (водяной), простирающій свои вѣтви въ небесномъ морѣ. Ибо въ пѣснѣ рѣчь идетъ не о морѣ земномъ: то создано уже впослѣдствіи, какъ и сама она подтверждаетъ. Здѣсь разумѣется небесный океанъ, безпредѣльное воздушное пространство, наполняющее вселенную. А всемірное дерево извѣстно всѣмъ арійцамъ. Германцы считали его ясенемъ; кажется, это мнѣніе было и у литвы. Славяне же называли его дубомъ, а впослѣдствіи нѣкоторыя ихъ вѣтви, перейдя на сѣверъ, стали въ немъ видѣть березу.

Стародубъ, по мнѣнію многихъ, пускалъ свои корни въ небо, а верхушкою росъ къ землѣ. Другіе же представляли его обыкновеннымъ деревомъ. Кора и вѣтви были у него золотыя, листья серебряныя, съ него падала на землю жемчужная роса; на немъ висѣли золотые плоды, дававшіе жизнь и молодость (молодильныя яблоки). На вершинѣ его сидѣлъ соколъ, птица боговъ, и охранялъ яблоки отъ лютаго змѣя, который облегалъ вокругъ корня дерева и кипящихъ ключей живой и мертвой воды, бывшихъ тутъ же. Потому эта драгоцѣнность была доступна не-

---

[1] О сотвореніи міра см. Аѳанасьева т. 2, глава 19. Тамъ, гдѣ это возможно, мы намѣрены ссылаться на поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Имѣющій эту книгу легко можетъ провѣрить наши показанія. Впрочемъ мы и не думаемъ скрывать, что наша статья представляетъ преимущественно выборку изъ этой книги.

многимъ. На вѣтвяхъ дуба сидѣли райскія птицы, тамъ же прыгала бѣлка, извѣстная во многихъ сказкахъ, и грызла золотые желуди, роняя ихъ скорлупу на землю (молнія). Прибавимъ, что на вершинѣ дерева лежали кромѣ того чудесные жернова, дававшія богатство и счастіе богамъ. Тутъ же находился свѣтлый ирій (рай) или Буянъ островъ, окруженный небеснымъ моремъ, обитель боговъ. Буянъ значитъ буйный, то-есть могучій, обильный, плодородный. Тамъ зимуютъ птицы и хранятся сѣмена всѣхъ растеній [1]. Описаніе всемірнаго дерева взято нами исключительно изъ славянскихъ источниковъ, но опять-таки повторяемъ, что у другихъ арійцевъ было то же самое (напримѣръ Эдда). Змѣй, облегающій корни, есть одинъ изъ слугъ Чернобога, если не онъ самъ. Въ одномъ заклятіи сказано: «на святомъ Окіянѣ-морѣ стоитъ сырой дубъ кряковистый, рубитъ тотъ дубъ старъ-матеръ человѣкъ топоромъ булатнымъ, и какъ съ дуба щепа летитъ, такъ бы и отъ меня валился всякій борецъ». Изъ этого можно заключить, что Чернобогъ покушался и въ своемъ образѣ на всемірное древо, но до времени безуспѣшно, ибо раны тутъ же заживали. Итакъ, вотъ что существовало до сотворенія міра; обратимся къ нему самому.

«По досельскому Окіанъ-морю плавало тамъ два гоголя: бѣлый гоголь и черный гоголь, а то не были бѣлый гоголь и черный гоголь: были то Бѣлбогъ и Чернобогъ [2]). Увидѣлъ Бѣлбогъ Чернобога и говоритъ ему: кто ты такой? И тотъ отвѣтилъ: «Я богъ».—«А меня какъ же ты назовешь»?—«А ты, отвѣтилъ Чернобогъ, богъ богамъ». Да еслибъ онъ не такъ отвѣтилъ, объясняетъ преданіе, то тутъ бы ему былъ и конецъ.

Смотрятъ они въ море, а море-то такое темное, темное.... Говоритъ Бѣлбогъ: «Будемъ творить свѣтъ, иди въ бездну, нырни на самое дно и принеси мнѣ горсть песку (сѣмена, такъ-сказать, атомы творенія, предвѣчно существующіе въ безднѣ), да когда будешь его брать, скажи: беру тебя, земля, во имя господа». И нырнулъ Чернобогъ на дно, да зависть его взяла: «дай, думаетъ, прибавлю и свое имя». И говоритъ: беру тебя, земля, во имя господа и въ свое Зажалъ въ горсть и поплылъ вверхъ, а вода весь песокъ вымыла и онъ явился ни съ чѣмъ.

1) Аѳ. т. 2, глава 17.

2) Такъ онежское преданіе: по другому, рукописному, Бѣлбогъ явился въ своемъ образѣ, а Чернобогъ плавалъ гоголемъ: «запрлелся въ тинѣ морской».

«Ступай въ другой разъ, да не прибавляй своего имени». Нечего дѣлать; нырнулъ онъ вторично, взялъ песку во имя господа и поплылъ, а самъ нарочно раскрываетъ ладонь, чтобы песокъ смыло, да не тутъ-то было: сколько взялъ, столько и принесъ. Взялъ Бѣлбогъ этотъ песокъ, ходитъ и сѣетъ его по вселенной, а Чернобогъ руку облизываетъ: «дай, думаетъ, спрячу хоть немного песку и потомъ создамъ свою землю». Говоритъ Бѣлбогъ: «а что, нѣтъ ли еще песку»?—«Нѣтъ, господи»!—«Такъ надо поблагословить: расти земля на всѣ четыре части». И стала расти земля и показываться изъ моря [1]). Растетъ она во вселенной, растетъ и во рту у Чернобога и деретъ ему щеки. Въ страхѣ побѣжалъ онъ по свѣту и началъ выплевывать землю, и гдѣ онъ плевалъ, тамъ оказались горы, а безъ этого земля была бы ровная. Иные говорятъ, что Бѣлбогъ тутъ же прогналъ его. Другіе увѣряютъ, что Чернобогъ оправдался: «Это я сдѣлалъ тебѣ въ славу и своему имени въ воспоминаніе».—«Это какъ»?—«А такъ: что поѣдетъ человѣкъ въ гору и всю дорогу будетъ чорта поминать, а взъѣдетъ на верхъ—скажетъ: слава Тебѣ Господи» [2]).

«Ну, говоритъ Бѣлбогъ, пускай же растетъ земля, а мы тѣмъ временемъ отдохнемъ, а завтра освятимъ землю». И легли рядомъ. Бѣлбогъ спитъ, а Чернобогъ все думаетъ, какъ бы его погубить. Схватилъ его на плечи и понесъ къ морю, чтобы бросить туда. Но куда онъ ни побѣжитъ, земля растетъ подъ его ногами и все нѣтъ моря. Бѣгалъ онъ во всѣ стороны, наконецъ усталъ, прибѣжалъ на прежнее мѣсто, положилъ Бѣлбога на землю и самъ легъ. Утромъ будитъ его: «вставай, Господи, пора землю святить». А тотъ говоритъ: «не хлопочи, Чернобогъ, освящена моя земля: освятилъ я ее сегодняшней ночью на всѣ четыре стороны».

Создалъ Бѣлбогъ и небо и пошелъ туда. Отправился по его слѣдамъ и Чернобогъ, и очень ему тамъ понравилось. Захотѣлъ онъ согнать оттуда Бѣлбога, но одинъ не могъ. Поэтому онъ умылъ себѣ лице и руки и брызнулъ водою назадъ, и въ ту же минуту сотворилась великая рать бѣсовская и напала на

---

[1]) По мнѣнію словаковъ, первыми показались Татры (Карпаты), въ преданіяхъ славянъ замѣнившія Гималай древнихъ арійцевъ.

[2]) Тверское преданіе, слышанное нами. Оно же объясняетъ, что создатели земли утаптывали ее ногами, и Чернобогъ такъ постарался, что выскочили горы.

Бѣлбога. Но тотъ ударилъ своимъ молотомъ въ камень (молотъ— древнѣйшее оружіе людей), и выскочила рать свѣтлыхъ духовъ, а начальство надъ ней Бѣлбогъ отдалъ своему сыну Перуну (Былъ ли Перунъ сотворенъ изъ того же камня или родился иначе, преданіе не объясняетъ). И началась первая битва въ мірѣ. Гремѣлъ Перунъ (въ преданіяхъ замѣненъ Иліей пророкомъ) сорокъ дней и сорокъ ночей и лилъ съ неба великій дождь и этимъ дождемъ смывало съ неба бѣсовъ, и они летѣли стремглавъ на землю. Пришлось бѣжать и Чернобогу. Видя бѣду, онъ сорвалъ съ неба солнце, наткнулъ на копье и побѣжалъ на землю. Бѣлбогъ отправилъ Перуна выручать солнце. Тотъ нашелъ Чернобога и долго ходилъ вмѣстѣ съ нимъ, не смѣя на него напасть. Наконецъ пришли они къ морю и захотѣлось имъ купаться. Перунъ предложилъ помѣряться искусствомъ: кто нырнетъ глубже. Онъ нырнулъ въ море и принесъ во рту песку съ самаго дна. Пришла очередь Чернобога: надо было оставить солнце на берегу. Чтобы Перунъ его не унесъ, Чернобогъ плюнулъ и сотворилъ изъ своей слюны сороку, которой и поручилъ стеречь солнце. Затѣмъ онъ нырнулъ, а Перунъ прикоснулся своимъ молотомъ къ морю, и оно замерзло на 9 аршинъ (Въ дошедшемъ преданіи сказано: «перекрестилъ», но, какъ извѣстно, преданія о громовомъ молотѣ съ принятіемъ христіанства были примѣнены къ почитанію креста. Молотъ Тора, германскаго Перуна, несомнѣнно употреблялся для благословенія, да и видъ имѣлъ крестообразный). Громовникъ схватилъ солнце и понесся на небо. Но Чернобогъ услышалъ со дна моря крикъ сороки, ринулся къ верху, прошибъ ледъ головой и помчался за Перуномъ. Одна нога громовержца была уже на небѣ, когда Чернобогъ схватилъ его за другую и вырвалъ изъ подошвы кусокъ мяса. Перунъ предсталъ предъ Бѣлбога и плакалъ о своемъ позорѣ, но тотъ утѣшилъ его, обѣщавъ сотворить всѣхъ людей имѣющими такія-же подошвы, то-есть вогнутыя [1]). Замѣтимъ, что громовникъ изображается хромымъ и въ

[1]) Аѳ. т. 2, стр. 604. Смотри варьянтъ этого преданія въ черногорской пѣснѣ объ Иванѣ Крестителѣ и царѣ Діоклетіанѣ, помѣщенной въ «Каликахъ перехожихъ». Тамъ говорится, что Иванъ, то-есть Перунъ, спрашивалъ Бѣлбога, можетъ ли онъ обмануть Діоклетіана, и получилъ въ отвѣтъ, что можетъ, но только не долженъ клясться его именемъ. Сравни ниже о важности клятвы небомъ.

другихъ миѳологіяхъ. Объясняютъ, что тутъ разумѣется изломанный бѣгъ молніи. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства, изъ хромаго Перуна сдѣлали хромаго бѣса. Преданіе о кражѣ солнца, которое мы сейчасъ привели, сохранилось въ Сербіи. Въ немъ любопытно, между прочимъ, мѣсто о сорокѣ, которая такимъ образомъ оказывается твореніемъ злаго начала, чѣмъ и объясняется суевѣрная боязнь, которую потомъ чувствовали къ этой птицѣ. Не всѣ впрочемъ считали ее посвященной Чернобогу. Иные приписывали ее подземному царю Ситиврату, который во многомъ къ нему близокъ и до развитія дуализма, вѣроятно, занималъ его мѣсто.

Таковъ разсказъ нашихъ предковъ о сотвореніи міра,—разсказъ чисто-славянскій и рѣзко отличающійся отъ преданій другихъ европейцевъ. Сходныя повѣрья можно найти у финновъ. Изъ арійскихъ миѳологій подходитъ только иранская. Ея сходство съ нашей очевидно для каждаго. Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать небольшое отступленіе. Извѣстно, что въ наукѣ существуютъ два мнѣнія касательно мѣста славянъ между другими арійцами. Одни ученые (въ настоящее время большинство) считаютъ славянъ и литовцевъ ближайшими родственниками германцевъ, другіе совершенно отвергаютъ такое родство и относятъ эти два племени къ восточнымъ арійцамъ. Не вдаваясь въ чисто-филологическіе вопросы, замѣтимъ только, что если славяне и находились когда-нибудь въ особенномъ родствѣ съ германцами, то несомнѣнно, что послѣдніе отдѣлились отъ нихъ очень рано, и затѣмъ каждая вѣтвь развивалась сама по себѣ, причемъ славяне оставались долгое время въ Азіи, въ сосѣдствѣ иранцевъ, имѣли съ ними постоянное общеніе и вслѣдствіе этого выработали себѣ и религію и народный характеръ, весьма удаленные отъ прочихъ европейцевъ. Защитники славяно-германской теоріи обыкновенно объясняютъ азіатскія стороны славянскаго характера меньшимъ развитіемъ этого племени; но что касается до дуализма, то здѣсь трудно говорить о недостаткѣ развитія. Дуализмъ не есть какое-нибудь первобытное вѣрованіе, чрезъ которое проходили всѣ арійцы, покидая его впослѣдствіи: эта теорія требовала извѣстной мысли, и если славяне и персы сошлись въ своемъ основномъ догматѣ, то есть великое вѣроятіе, что они и работали надъ нимъ вмѣстѣ.

Касательно Чернобога замѣтимъ еще, что, сколько мы можемъ судить, ему не воздавалось всенароднаго поклоненія на Руси и

въ большей части славянщины. Но кажется, что къ нему обращались волхвы. Лѣтопись разсказываетъ намъ [1]), что въ одиннадцатомъ столѣтіи волхвы, захваченные въ сѣверной Руси, показывали на допросѣ, что они вѣрятъ въ двухъ верховныхъ боговъ: одного небеснаго и другаго преисподняго (лѣтописецъ сравниваетъ его съ антихристомъ). Они же объясняли сотвореніе человѣка такъ: «богъ (Бѣлбогъ) вспотѣлъ, отерся ветошкой и бросилъ ее на землю, и сотворилъ дьяволъ (Чернобогъ) человѣка изъ его поту, а богъ вложилъ душу,—потому, когда умретъ человѣкъ, тѣло идетъ въ землю, а душа къ Богу» [2]). Волхвы, о которыхъ здѣсь говорится, могли быть и финнами, тѣмъ болѣе, что финны тоже дуалисты и ихъ преданія сходятся съ славянскими буква въ букву, но ничто не мѣшаетъ этому разсказу принадлежать отчасти и славянамъ. О сотвореніи человѣка изъ поту высшаго существа говоритъ и краинская легенда, да впрочемъ подобные разсказы существуютъ и у германцевъ. Если въ ученіи волхвовъ можно указать на что-нибудь не вполнѣ славянское, то скорѣе всего на догматъ о сотвореніи человѣческаго тѣла злымъ божествомъ. Этотъ догматъ роднитъ нашихъ волхвовъ съ богумилами, а извѣстно, что богумильство образовалось въ Болгаріи, гдѣ рядомъ съ дуалистами-славянами жили еще худшіе дуалисты—болгары уральскіе.

Только объ одномъ славянскомъ племени извѣстно съ достовѣрностію, что оно почитало Чернобога, по крайней мѣрѣ призывало его имя на страхъ, именно о славянахъ поморскихъ (см. выше). Явленіе это объясняется тѣмъ, что поморское язычество представляло новую стадію развитія въ славянской миѳологіи и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ одинизма. Нѣсколько отвлеченный Бѣлбогъ былъ у поморянъ совершенно заслоненъ дѣятельнымъ и могучимъ Святовитомъ, около котораго не было мѣста равноправному злому началу, почему Чернобогъ и долженъ былъ до нѣкоторой степени подчиниться свѣтлому богу и стать къ нему въ то же отношеніе, въ которомъ у скандинавовъ находился Локи къ Одину. А разъ, что онъ примѣнился къ новымъ порядкамъ, онъ естественно могъ пріобрѣсть право на поклоненіе, какъ богъ, хотя и гнѣвный, но впрочемъ необходимый въ устройствѣ природы.

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 75.

[2]) Тамъ же, стр. 76.

Такимъ образомъ мы опредѣлили два періода въ славянской миѳологіи: періодъ дуализма, чрезъ который прошли всѣ славяне, и періодъ Святовита, до котораго дожили только поморцы. О Святовитѣ мы будемъ еще говорить, когда потребуется разбирать Перуна. Но дѣло въ томъ, что (какъ мы уже замѣтили) и дуализмъ не можетъ назваться первобытной формой религіи. Дѣйствительно, и у славянъ ему предшествуютъ болѣе древнія преданія, которыя приписываютъ твореніе міра одному началу и притомъ изображаютъ и твореніе и верховнаго бога крайне вещественно. По ихъ словамъ, міръ произошелъ изъ тѣла творца [1]): солнце сотворено отъ его лица, заря отъ устъ, мѣсяцъ отъ груди, дождь отъ слезъ, небо отъ черепа, камни отъ костей, земля отъ тѣла, вода отъ крови, лѣса и травы отъ волосъ, облака отъ мозгу, вѣтеръ есть его дыханіе, громъ слово, молнія и звѣзды—взоры. Другіе объясняли еще картиннѣе: небо есть самый черепъ верховнаго бога, солнце его око, мѣсяцъ золотая застежка на его опашнѣ, ризы его усѣяны звѣздами, а когда онъ накидываетъ на себя опашень, тогда настаетъ ночь. Преданія эти у славянъ сохранились главнымъ образомъ въ извѣстной «Голубиной Книгѣ», но они общи всѣмъ арійцамъ, что ручается за ихъ глубочайшую древность. Дуализма тутъ нѣтъ и слѣда.

Обратимся теперь къ сотворенію самого человѣка. И здѣсь дуалистическому объясненію предшествуетъ древнѣйшее. Подобно тому, какъ весь міръ произошелъ изъ различныхъ стихій, «Голубиная Книга» объ этомъ говоритъ такъ:

У насъ помыслы (могзъ) отъ облакъ небесныхъ,
Кости крѣпкія отъ камени,
Тѣлеса наши отъ сырой земли,
Кровь-руда наша отъ черна моря....

Далѣе говорится, что люди произошли отъ Адама, причемъ цари вышли изъ его головы, князья-бояре изъ тѣла, а остальной народъ изъ ногъ. Подъ Адамомъ здѣсь, очевидно, слѣдуетъ разумѣть Бѣлбога. Индійцы разсказываютъ почти то же о происхожденіи своихъ кастъ, но отсутствіе сословій у первыхъ славянъ наводитъ сомнѣніе на древность этого мѣста. Съ другой стороны, не изъ индійскихъ же книгъ оно взято. Кажется, надо

[1]) Аѳ. т. 1. стр. 63.

предположить, что тутъ есть искаженіе: что первоначально говорилось о происхожденіи свѣтлыхъ князей изъ главы творца и остальнаго народа изъ тѣла, а бояре вставлены уже впослѣдствіи [1]).

Но вотъ и дуалистическій разсказъ о сотвореніи человѣка, напоминающій нѣсколько лѣтописныхъ волхвовъ [2]). Слѣпилъ Бѣлбогъ человѣка изъ земли, положилъ его сушиться на солнцѣ и пошелъ за душой, приставивъ къ человѣку собаку (священный звѣрь иранцевъ). Пришелъ Чернобогъ и хотѣлъ подойти и испортить человѣка, но собака не пускала. Тогда Чернобогъ посулилъ ей шубу (а она была прежде голая), подошелъ къ человѣку и оплевалъ его. Другіе впрочемъ оправдываютъ въ этомъ случаѣ собаку: по ихъ словамъ, она исполнила свою обязанность, но Чернобогъ взялъ шестъ и истыкалъ человѣка издали. Пришелъ Бѣлбогъ и только «руками объ полы ударилъ», увидавъ все происшедшее. Но дѣло было испорчено разъ навсегда. Все, что онъ могъ сдѣлать—это выворотить человѣка на изнанку, отъ чего вся нечистота оказалась внутри. Поэтому человѣкъ подверженъ многимъ болѣзнямъ. А собаку Бѣлбогъ проклялъ, назвалъ ее псомъ и далъ ей непріятный запахъ.

Впрочемъ, если вѣрить краинскому преданію, первый человѣкъ былъ все-таки могучимъ исполиномъ, подобнымъ богамъ, и чуть ли не безсмертнымъ. «Былъ онъ дологъ какъ поле, великъ какъ гора; когда онъ спалъ, въ его волосахъ гнѣздились ястребы, а въ ушахъ прятались лисицы; онъ легко перескакивалъ море, спускался въ преисподнюю и восходилъ къ столу божьему» (и другія славянскія преданія увѣряютъ, что первые люди были исполины или «полоды»). Но Курентъ (такъ крайнцы зовутъ Чернобога) позавидовалъ человѣку, который былъ равенъ ему силой, и съумѣлъ поссорить его съ Бѣлбогомъ. Онъ приготовилъ первое вино изъ виноградной лозы и подпоилъ человѣка въ то время, какъ послѣдній сидѣлъ «на высокой горѣ», за столомъ божьимъ. Самъ Бѣлбогъ былъ въ это время въ отсутствіи. Возвратясь, Бѣлбогъ увидѣлъ человѣка, спящаго за его столомъ, разгнѣвался и сбросилъ его съ неба. Человѣкъ едва не умеръ и сдѣлался съ тѣхъ поръ безсиленъ и слабъ, а его потомство

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 118. «Калики перехожіе», часть 1, выпускъ 2.
[2]) Тамъ же, т. 3, стр. 61.

уменьшилось и въ размѣрахъ» [1]). Замѣтимъ, что изобрѣтеніе вина приписывается и на Руси чорту, т. е. Чернобогу.

За физическимъ паденіемъ человѣка послѣдовало и нравственное. Тѣ же преданія объясняютъ, что земля при сотвореніи представляла одинъ голый камень и была неудобна для людей, такъ какъ она не имѣла ни рѣкъ, ни ручьевъ. Повелѣніемъ Бѣлбога слетѣлъ на землю великій небесный пѣтелъ и снесъ яйцо, изъ котораго потекли рѣки на всѣ стороны и земля покрылась зеленью. А самъ онъ сидѣлъ на небѣ и каждый день возвѣщалъ своимъ пѣніемъ людямъ, когда они должны вставать, когда выходить на работу и когда принимать пищу (солнце). И были на землѣ миръ и порядокъ. Но люди стали скучать постояннымъ надзоромъ и стали просить Бѣлбога, чтобъ онъ избавилъ ихъ отъ безпокойной птицы. Тогда Бѣлбогъ перемѣстилъ пѣтуха на море, гдѣ онъ сидитъ и понынѣ. И каждый разъ, какъ солнце начинаетъ обмываться въ морѣ, послѣднее волнуется и волны подступаютъ пѣтуху подъ крылья, а тотъ просыпается и подаетъ голосъ, который тотчасъ подхватываютъ всѣ земные пѣтухи [2]) (восходящее и заходящее солнце).

Лишась своего руководителя, люди обезумѣли, они стали враждовать между собой, совершать преступленія и наконецъ разбили чудесное яйцо. Изъ него хлынула вода, которая потопила всю землю и истребила почти все живущее [3]). Спаслись только немногіе. По словамъ литовскаго преданія, верховный богъ сжалился надъ ними и кинулъ имъ скорлупу съ желудей стародуба, куда и вошли люди и животныя [4]). А краинцы утверждаютъ, что послѣдній человѣкъ взбѣжалъ на высочайшую гору и ухватился за виноградную лозу, которую ему протянулъ Курентъ. И онъ висѣлъ на ней все время потопа, питаясь ея плодами. Курентъ-Чернобогъ въ преданіяхъ краинцевъ является богомъ скорѣе шаловливымъ, чѣмъ злобнымъ, почему ему и могли приписать спасеніе человѣческаго рода. Тутъ, вѣроятно, замѣшалось какое-нибудь искаженіе; смыслъ первоначальнаго миѳа былъ, кажется, тотъ, что человѣкъ просто ухватился за вѣтви всемірнаго древа и тѣмъ спасся отъ потопа.

[1]) Аѳ. т. 2, стр. 649. Изъ разсказа видно, что, по мнѣнію славянъ, первый человѣкъ былъ андрогинъ. Такъ впрочемъ выходитъ и по Эддѣ.

[2]) Тамъ же, т. 1, стр. 520.

[3]) Тамъ же стр. 531.

[4]) Тамъ же, т. 2, стр. 646.

По словамъ другихъ, спаслась пара людей. Потомство они получили чудеснымъ образомъ. Верховный богъ велѣлъ имъ скакать черезъ кости земли, то-есть камни, и изъ этихъ камней вышли мущины и женщины. Преданіе это сохранилось въ чистомъ видѣ у литовцевъ, но несомнѣнно, что и у славянъ существовали сходные разсказы. Старинные русскіе писатели упрекаютъ славянъ-язычниковъ за то, что они вѣрили, будто люди происходятъ изъ камней, брошенныхъ съ неба верховнымъ богомъ. «Не Родъ, сидя на воздухѣ, мечетъ на землю груды и въ нихъ рождаются дѣти. Всѣмъ творецъ Богъ, а не Родъ».

Теперь скажемъ о именахъ Бѣлбога. Ихъ было не мало. Кромѣ Бѣлбога онъ звался еще прабогомъ, а другіе боги—прибогами. Звали его, какъ мы видѣли, Родомъ, звали и просто богомъ (по преимуществу). Такъ между прочимъ онъ зовется въ договорѣ Игоря съ Греками: «да не имуть помощи отъ бога, ни отъ Перуна». Впрочемъ норманцы, конечно, разумѣли здѣсь Одина. Кромѣ того существовали имена: Бѣлунъ, Сварогъ [1]), Триглавъ, Дій, отецъ неба.

О Бѣлунѣ въ настоящее время сохранились преданія у бѣлоруссовъ [2]). По ихъ словамъ, это старецъ съ бѣлой бородой и въ бѣлой одеждѣ. Онъ является иногда людямъ и даетъ имъ богатство, также выводитъ изъ лѣсу заблудившихся. Всего чаще онъ показывается во ржи и подчасъ помогаетъ жнецамъ. Въ этомъ сѣдомъ старикѣ трудно не узнать стараго прабога. Имя Бѣлунъ встрѣчается въ надписяхъ венетовъ адріатическихъ, древнѣйшаго славянскаго племени, о религіи котораго до насъ дошли кое-какія свѣдѣнія. Тамъ оно пишется (полатыни) Белеиъ. Но кромѣ того у этихъ же венетовъ имѣлся городъ Беллунумъ, очевидно, произведенный отъ Бѣлуна.

Сварогъ по-санскритски означаетъ небо (ходячее небо—сварга). Небомъ и отцомъ-небомъ Бѣлбогъ и понынѣ величается въ заклинаніяхъ. Триглавомъ звали Бѣлбога поморяне, какъ владыку неба, воды и земли, почему онъ и изображался триглавымъ. Слово Дій встрѣчается только разъ и въ письменномъ источникѣ [3]).

---

[1]) Сварогомъ, впрочемъ, иногда назывался и самъ Перунъ, его сынъ. Такъ употреблено это имя въ Ипатьевской лѣтописи. Тамъ оно замѣняетъ Гефеста. «Въ царство Гефеста или Сварога упали съ неба клещи, и стали люди ковать оружіе». (Это отрывокъ изъ греческой хроники).

[2]) Аѳ. т. 1, стр. 94.

[3]) Тамъ же, стр. 130 и ниже.

Это то же, что Дій грековъ, Діеспитеръ римлянъ, Дэва (богъ) индійцевъ и литовцевъ, Дивъ скифовъ. Слово это значитъ свѣтлый и нѣкогда служило у всѣхъ народовъ для означенія Бога. Но у иранцевъ, а также и у славянъ оно рано замѣнилось другими: бага и богъ, которые первоначально означали часть, долю. Въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ имена Богъ и Небогъ и понынѣ употребляются въ смыслѣ счастія и несчастія, доли и недоли. Самое же слово Дивъ получило значеніе божества злаго, враждебнаго (Дивъ въ «Словѣ о полку Игоревомъ»); въ хорошемъ смыслѣ у славянъ оно встрѣчается, какъ мы видѣли, только разъ, у иранцевъ же совсѣмъ не встрѣчается.

Жена неба—земля или Дива (Дива—мать Деметра), мать-земля сырая. Она безконечно почитается въ народѣ, но, принадлежа къ существамъ космическимъ, мало олицетворяется. Точно тоже мы замѣчаемъ и у другихъ арійцевъ: чуть только миѳъ о землѣ начнетъ принимать какую-нибудь окраску, сейчасъ является отдѣльное отъ нея божество: у насъ Лада, у грековъ Деметра, которая далеко не то, что настоящая богиня земли—Гея. Отецъ-небо и мать-земля являются въ заклятіяхъ постоянно вмѣстѣ. Ихъ имя, въ особенности имя земля, составляетъ страшнѣйшую клятву славянъ, которая въ иныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ у сербовъ, и понынѣ въ полномъ употребленіи. Присягающій становится въ ямѣ, имѣя на головѣ кусокъ дерну—волоса матери земли—и клянется землѣ [1]). Если онъ солгалъ, то погибъ, ибо небо и земля въ началѣ временъ обѣщались другъ другу не имѣть между собою тайны, и потому всякое клятвопреступленіе сейчасъ же сдѣлается извѣстнымъ небу и оно накажетъ виновнаго. Намъ остается еще прибавить, что мать-земля имѣла особый праздникъ, который приходился весной и со введеніемъ христіанства былъ отнесенъ къ Духову дню. Въ народѣ есть повѣрье, что въ Духовъ день земля—именинница, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ день строжайше запрещается рыть ее чѣмъ бы то ни было. Кромѣ того, осенью творились землѣ возліянія масломъ, что во многихъ мѣстахъ бываетъ и по-нынѣ [2]). Всѣ эти преданія и повѣрья, очевидно, восходятъ къ древнѣйшему періоду религіи и съ дуализмомъ не имѣютъ ничего общаго.

---

[1]) Аѳ. т. I, стр. 149. Очерки старой Сербіи Бодетага. «Бесѣда», октябрь 1871.

[2]) Тамъ же, стр. 146.

Но во всякомъ случаѣ ни Бѣлбогъ, ни Сварогъ (небо) не могли заниматься обыкновенными будничными дѣлами міра. Одинъ слишкомъ отвлечененъ, другой, напротивъ того, совершенно вещественenъ. Поэтому ниже прабога было поставлено, подобно тому, какъ у индійцевъ, четыре міровладыки или царя: небесный, водяной, земляной и огненный. Первые три упоминаются по-нынѣ въ заклятіяхъ: «царь водяной, царь земляной, царь небесный! простите мою душеньку грѣшную» (Великорусскія заклинанія, Майкова); четвертый у русскихъ немного забылся, хотя древнѣйшее его существованіе и не подлежитъ сомнѣнію. Они и правятъ свѣтомъ; самъ же Бѣлбогъ царитъ далеко за облаками, наслаждаясь блаженствомъ и, по словамъ нашихъ предковъ, закрывая глаза на міръ и зло, внесенное въ него Чернобогомъ. Исправить это зло онъ не можетъ до времени; самъ же слишкомъ чистъ, чтобы сколько-нибудь къ нему примѣниться. Возможную борьбу противъ Чернобога ведутъ прабоги, менѣе святые и по тому самому болѣе близкіе къ измельчавшимъ людямъ. Миѳъ этотъ поморяне олицетворяли въ истуканѣ Триглава Щетинскаго, который имѣлъ золотыя повязки на глазахъ и устахъ. Жрецы объясняли эту особенность именно тѣмъ, что Бѣлбогъ, по ихъ словамъ, не хочетъ знать зла, не глядитъ на него и молчитъ о немъ.

Обратимся теперь къ четыремъ царямъ. Первый изъ нихъ—это царь небесный, Перунъ громовникъ [1]) или царь Громъ (сюда же относится всѣмъ извѣстный царь Горохъ: сравни грохотъ [2]). По всему онъ соотвѣтствуетъ Индрѣ индійцевъ, Зевсу грековъ, Тору германцевъ. Это богъ могучій и гнѣвный, чернокудрый, съ пламенною бородой и усами [3]), защитникъ и охранитель людей, вѣчный врагъ Чернобога и бѣсовъ. Ему вручилъ Бѣлбогъ молотъ небесный, ему поручилъ вѣчную войну противъ злаго начала. На огненной колесницѣ, запряженной огнедышущими конями, носится громовникъ въ небесныхъ пространствахъ, сопровождаемый Стрибогомъ и вѣтрами, натягиваетъ свой гремящій лукъ—радугу [4]), пускаетъ стрѣлу—молнію [5]) и сокрушаетъ темныя полчища враговъ. Напрасно

[1]) У индійцевъ Парджанья, означаетъ тучу (прыскающая): это одно изъ прозвищъ Индры.

[2]) У германцевъ горохъ посвященъ Тору.

[3]) Аѳ. т. 1, стр. 432.

[4]) Тамъ же, стр. 351.

[5]) По болѣе древнему представленію—каменный молотъ.

бѣсы стараются закрыть тучами солнце, сорвать съ неба мѣсяцъ, запрятать въ тучахъ напитокъ жизни—воду. Перунъ разбиваетъ молотомъ нагроможденныя ими горы тучъ и священный напитокъ льется и оплодотворяетъ землю. Разбитые бѣсы спасаются на землю, но и тамъ находитъ ихъ страшная стрѣла. Нѣкоторые думаютъ спастись около людей или въ ихъ домахъ, зная, какъ громовникъ любитъ человѣка. Но когда нужно, говоритъ преданіе, Перунъ и человѣка не помилуетъ, впрочемъ убитый громомъ получитъ великую награду отъ боговъ [1]). Воинственному богу приписывалось не одно оружіе. Кромѣ стрѣлы и молота ему придавали еще палицу (такъ изображался Перунъ новгородскій) и копье. Болгаре объясняютъ зарницу тѣмъ, что это Перунъ (Илія) идетъ по небу и его копье свѣтится между тучами. Ему было посвящено много животныхъ: орелъ, воронъ, медвѣдь, козелъ (послѣдній былъ посвященъ и Тору) и, наконецъ, быкъ, т.-е. первоначально туръ. Все это символы молніи, указывающіе на ея быстроту и непреоборимую силу. Изъ растеній громовнику принадлежали дубъ и папоротникъ. Перунъ почитался по всей славянщинѣ, за исключеніемъ Поморья, гдѣ его замѣнилъ Святовитъ. Впрочемъ одно изъ поморскихъ племенъ—вагры помнили древняго бога и покланялись ему по-старинѣ въ дубовыхъ рощахъ. Можетъ-быть громовникъ почитался и въ другихъ мѣстахъ Поморья, только подъ другимъ именемъ. Мы знаемъ, что на островѣ Ранѣ, кромѣ великаго капища Святовита, было еще другое, болѣе древнее, посвященное мѣстнымъ богамъ острова.—Тамъ находился, между прочимъ, дубовый истуканъ Буевита (ревущаго Перуна?). Другой изъ тамошнихъ боговъ, Поренутъ, еще болѣе подходитъ по своему имени. Наконецъ, есть извѣстіе о какомъ-то Черноглавѣ, который почитался тамъ же, имѣлъ серебряные усы и сопутствовалъ жителямъ острова въ ихъ походахъ. Весьма вѣроятно, что Поренутъ и Черноглавъ одно и то же, и что въ сущности это тотъ же чернокудрый Перунъ съ сіяющими усами, котораго мы только-что видѣли. Но какъ бы то ни было, богъ грома получилъ на Поморьѣ весьма второстепенное мѣсто. За то и Святовитъ принялъ на себя многія черты Перуна. Къ молніи онъ, сколько извѣстно, не имѣлъ отношенія, тѣмъ не менѣе былъ богъ воитель и притомъ (что весьма важно) не только воитель, но и богъ плодородія, т. е. соединялъ въ себѣ

[1]) Ib. т. I. стр. 261 и ниже.

германскихъ Одина и Тора и одинаково покровительствовалъ знатнымъ воинамъ и безоружнымъ пахарямъ. Этимъ поморская миѳологія рѣзко отдѣляется отъ одинизма, несмотря на внѣшнее съ нимъ сходство, и остается все-таки славянской и демократической.

Въ остальной славянщинѣ Перунъ почитался вездѣ и всюду. Знаютъ его словаки и чехи, знаютъ южные славяне; бѣлоруссы могутъ еще описать его наружность, равно и въ другихъ мѣстахъ Руси онъ пользовался всеобщимъ поклоненіемъ. Кумиры его стояли во всѣхъ главныхъ городахъ и описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилось до нашихъ временъ. Перунъ кіевскій былъ дубовый, имѣлъ серебряную голову и золотые, огненные усы. Въ рукахъ у него былъ кремень-молотъ; передъ нимъ, говорятъ, пылалъ неугасающій костеръ изъ дубовыхъ дровъ. Новгородскій вмѣсто молота имѣлъ палицу. Обоимъ этимъ истуканамъ приносились обильныя кровавыя жертвы, иногда даже человѣческія.

Женой Перуна считалась воинственная богиня, имѣвшая подобно мужу нѣсколько именъ. Заклинанія называютъ ее царицей-молніей, она же, кажется, была извѣстна подъ именемъ громницы, подобно тому какъ Перунъ слылъ громовникомъ. Западные славяне называютъ громницей праздникъ Срѣтенія; вѣроятно, онъ совпалъ съ какимъ-нибудь древнимъ торжествомъ, посвященнымъ этой богинѣ. Если вѣрить старинному чешскому писателю Вацераду, чешское имя громовницы было лѣтница, ибо онъ такъ называетъ супругу Перуна. Такимъ образомъ ей, выходитъ, было посвящено обильное грозами лѣто, тогда какъ весна, по нѣкоторымъ указаніямъ, посвящалась Ладѣ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ бѣлорусскому преданію о божествахъ временъ года, по словамъ котораго весна и лѣто посвящены двумъ богинямъ, а осень и зима двумъ богамъ. Сербы смѣшиваютъ громовницу съ Богородицей и зовутъ ея Огнена или Огняна Марія. Имя это ниже объясняютъ словомъ Мара̀, которое означаетъ въ нарѣчіяхъ облако, тучу, марево. Это объясненіе дѣлается весьма вѣроятнымъ, если вспомнить древле-арійскіе миѳы о томъ, какъ громовникъ гоняется за бѣлыми облачными красавицами—тучами. И у насъ въ одной пѣснѣ громъ и туча называются братомъ и сестрой. «Іо! Іо! Семикъ да Троица! Туча съ громомъ сговаривалась: пойдемъ братъ погуляемъ въ эту слободу» (такую-то). И по греческой миѳологіи Гера имѣетъ отношеніе къ облакамъ (миѳъ объ Иксіонѣ), а наша громовница

по всему соотвѣтствуетъ Герѣ. Но, къ сожалѣнію, покамѣстъ нельзя указать ни на одно преданіе, гдѣ бы молнія дѣйствичельно носила имя Мары. Впрочемъ имена того же корня, кажется, можно найти въ старинныхъ источникахъ. Старинные миѳографы иногда объясняютъ Марану или Маржану богиней плодородія,—вещь съ перваго разу странная, ибо Марана есть очевидно смерть. Но дѣло объясняется, если предположить, что были двѣ Мараны: одна супруга Перуна небеснаго, другая подземнаго.

Было у этой богини и еще имя: Жива или Сива (послѣдняя форма кажется правильнѣе о значеніи ея смотри примѣчаніе). Такъ звали величайшую богиню поморянъ, извѣстную и чехамъ. Вацерадъ сравниваетъ ее съ Церерой. Вообще, нѣтъ никакого сомнѣнія, что это была богина плодородія. Но къ какой изъ русскихъ богинь ее приравнять: къ Молніи или къ Ладѣ. Полагаемъ, что къ первой, ибо по всему видно, что эта была старшая изъ богинь, а такой можетъ быть только жена верховнаго Бога—Перуна или Святовита. Притомъ жена германскаго Перуна, Тора, тоже звалась Сифой. Конечно, плодородіе свойственно и Ладѣ, но главнымъ образомъ оно зависитъ отъ громовницы. У бѣлорусовъ богиня лѣта, о которой мы сейчасъ говорили, изображается красивой, полной женщиной, съ головой убранной спѣлыми колосьями и съ плодами въ рукахъ. Зовутъ ее Цеця [1] (тетя?). По всему это молнія-лѣтница, но притомъ описаніе это имѣетъ великое сходство со старинными описаніями Сивы. Описанія эти (15 столѣтія) говорятъ, что Сива имѣла въ рукахъ плоды, и волосы ея висѣли до земли. Такіе же волосы придавались Сифѣ, женѣ Тора: они изображаютъ спѣлые колосья. Вслѣдствіе всего этого мы приходимъ къ заключенію, что Сива и Лада—различныя богини [2].

---

[1]) Аѳ. т. 3, стр. 679.

[2]) Нельзя ли связать съ молніей—Марою и этой загадачной Симарглы, о которой упоминается въ древнихъ памятникахъ? Вотъ какъ мы объясняемъ себѣ это древнее слово. Оно сложное. Первая половина заключаетъ въ себѣ корень *си* (свѣтъ), вторая же въ древнѣйшемъ языкѣ могла означать молнію и родственна со словами молнія, мелькать, моргать и т. под. Что объясненіе это вѣрно, можетъ доказать польская форма этого же имени Симжерла, очевидно, имѣющая въ себѣ тотъ же корень *си* и другой родственный корень маргъ (моргать и сомжарить). Что же въ концѣ концовъ значитъ слово Симаргла? Значитъ оно—свѣтлая молнія или еще точнѣе—*сивая* молнія. Такъ молнію и зо-

Пѣсни о громовницѣ сохранились у южныхъ славянъ, хотя и въ нѣсколько подновленнымъ видѣ Вотъ одинъ отрывокъ:

Хвала Богу, хвала единому!
Гдѣ влахи жнутъ въ воскресенье,
Надъ ними три облака вьются:
Первый облакъ—Илія громовникъ (Перунъ),
Другой облакъ—Огняна Марія (Молнія),
Третій облакъ—святой Пантелѣй (Судя по дальнѣйшему разсказу, Стрибогъ),
Говоритъ святой Пантелѣй:
Ударь громомъ Илія громовникъ,
Ударь огнемъ Огняна Марія,
Я ударю вихремъ—святой Пантелей.....

Огняна Марія отвѣчаетъ, что влахи не виноваты, потому что ихъ принуждаютъ работать турки. Пѣсня такимъ образомъ сообщаетъ миѳическую окраску временамъ христіанскимъ и сравнительно не новымъ. Другая пѣсня разсказываетъ, что молнія и громъ играютъ въ мячъ золотыми плодами. И обыграла Огняна Перуна на нѣсколько золотыхъ яблоковъ и померанцевъ. Въ этой прелестной картинѣ изображается веселая весенняя гроза.

Наконецъ на пиру боговъ молнія раздаетъ гостямъ дары, то-есть, какъ объясняетъ пѣсня, власть надъ разными стихіями [1]).

О молніи—Коледѣ, матери солнца, будетъ говориться ниже. Тогда мы увидимъ, какія сильныя побужденія имѣли новокрещеные славяне, чтобъ отождествить жену грома съ Богородицей, даже еслибъ и не было сходства въ имени. Но скажемъ еще нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ самого Перуна на Руси.

---

вутъ сербскія пѣсни: сива муня. Сивый первоначально означало свѣтлый. Коледа—молнія, которая ниже величается у болгаръ сивой голубицей; несомнѣнно, что и Сива поморянъ имѣетъ то же значеніе. Остается сказать, что въ иныхъ рукописяхъ вмѣсто Симарглы или Симаргла пишется Симъ и Беглъ. Очевидная ошибка, происшедшая отъ отождествленія Симарглы съ богами ассиріанъ Асимаѳомъ и Эргелемъ, о которыхъ говорится въ Библіи. Однако нѣкоторые на основаніи чтенія Симъ и Беглъ считаютъ самую Симарглу простой выдумкой. Но что же мы будемъ дѣлать съ польской Симжерлой? Притомъ о Симарглѣ говорится въ памятникѣ, относящемся къ такимъ временамъ, когда были не мыслимы простодушныя нелѣпости, въ родѣ напр. Мамая, призывающаго своихъ эллинскихъ боговъ: Перуна, Хорсо и пр. (См. Мамаево побоище.

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 480.

Всѣмъ извѣстно, что послѣ крещенія земли преданія о Перунѣ были примѣнены къ Ильѣ пророку. То же было у другихъ славянъ, да и трудно было не произойти этому смѣшенію. Во-первыхъ, колесница Иліи пророка, во-вторыхъ низведеніе имъ съ неба дождя и огня—все это было знакомо недавнимъ язычникамъ и могло ихъ нѣсколько утѣшить въ потерѣ воинственнаго бога, о которомъ ходило столько чудесныхъ преданій. Замѣна Перуна Иліей началась очень рано. Еще въ 10-мъ столѣтіи, одна изъ первыхъ христіанскихъ церквей въ Кіевѣ была посвящена Иліи пророку, и конечно икона его взятія на небо не одного язычника заставила взглянуть сочувственнѣе на новую вѣру. Любопытно и то, что первый князь, носившій христіанское имя, былъ Илья Ярославичъ въ началѣ 11-го столѣтія. На сколько Илія пророкъ уважается въ настоящее время въ народѣ, всѣмъ извѣстно и разсказывать объ этомъ было бы излишне. Замѣтимъ только, что народъ другихъ святыхъ почитаетъ, а Иліи просто боится, и смертельно боится ровно столько же, какъ встарину боялся громовержца.

Обратимся къ прочимъ царямъ. Второй изъ нихъ царь—водяной, Стрибогъ. Считаемъ его въ числѣ царей по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ несомѣнно богъ вѣтровъ, которые считаются его внуками. Но вѣтеръ, по понятію древнихъ, тѣсно связанъ съ моремъ. Греческій Эолъ живетъ на морѣ; и у насъ въ «Словѣ о полку» вѣтры, Стрибожи внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами. Затѣмъ самъ Стрибогъ пользовался на Руси такимъ уваженіемъ, что его трудно счесть только за вѣтеръ. Но чѣмъ же онъ можетъ быть кромѣ того: ни солнечнаго, ни огненнаго, ни земнаго въ немъ не видать. Прибавимъ, что вѣтерь главнымъ образомъ былъ нуженъ для мореходцевъ: такимъ образомъ богъ, волнующій море, естественно считался его правителемъ, царемъ морскимъ. У грековъ Посейдонъ и Эолъ были раздѣлены, но у насъ этого не случилось.

Есть еще одно доказательство, что власть Стрибога простиралась и на землю и на море. Между святыми, особенно уважаемыми въ двоевѣрныхъ легендахъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Никола. Онъ называется Николой Морскимъ, спасаетъ людей отъ потопленія, укрощаетъ ярость Водяника (пѣсня о Садкѣ), наконецъ въ образѣ Микулы Селяниновича носитъ на плечахъ землю (Океанъ); очевидно, мы имѣемъ передъ собою божество морское.

Но тотъ же Никола и въ тѣхъ же самыхъ преданіяхъ является

и съ такими чертами: онъ хитрѣе и добрѣе Перуна (Иліи) [1]), онъ другъ земледѣльцевъ, ходитъ по межамъ и раститъ жито (бѣлорусскія пѣсни). Какъ Микула Селяниновичъ, онъ, нося землю, самъ ступаетъ по той же землѣ и пашетъ ее золотой сохой. Тутъ ужь идетъ рѣчь прямо объ вѣтрѣ—Стрибогѣ. Миѳъ, благодаря одинаковости слова, смѣшалъ и два различныя понятія: вѣтеръ пашетъ и—пахать землю. Важность вѣтра для земледѣлія и вообще для природы понятна всякому, и преданіе наглядно ее изображаетъ въ спорѣ солнца, мороза и вѣтра, причемъ вѣтеръ, какъ умѣритель крайностей, оказался сильнѣйшимъ изъ трехъ [2]). Такимъ образомъ Стрибогъ, вѣтеръ, сдѣлался богомъ преимущественно пахарей, мужиковъ, а къ Стрибогу, царю морскому, точно также должны были обращаться мореходы. Прибавимъ еще двѣ черты, указывающія на тождество моря и вѣтра и на слитіе ихъ въ типѣ Николы. Конь во многихъ мѣстахъ Руси посвященъ Николѣ; но онъ же вездѣ и всегда посвящался морскому богу. И съ другой стороны св. Николай пишется лысымъ, а повѣрье бѣломорскихъ рыбаковъ говоритъ, что если хотятъ возбудить вѣтеръ, слѣдуетъ дразнить лысаго дѣда, то-есть старика. Этотъ лысый дѣдъ есть опять-таки дѣдъ Стрибогъ.

У германцевъ Стрибогу соотвѣтствуетъ кроткій Ніордъ, тоже владыка моря и вѣтровъ. Но рядомъ съ нимъ поставленъ титанъ Эгиръ, существо враждебное людямъ И у насъ при Стрибогѣ имѣлся еще царь Водяникъ, безобразный и гнѣвный, который губитъ своей неистовой пляской неповинныя души и едва укрощается Миколай (Стрибогомъ). Нѣкоторые хотятъ видѣть въ этомъ Водяникѣ настоящаго морскаго царя. Но намъ кажется, что это было бы очень ошибочно: Водяникъ есть Эгиръ германцевъ, Океанъ грековъ, это титанъ, исполинъ, не принадлежащій къ свѣтлому роду Сварожьему. Притомъ онъ совершенно стихіенъ, и самые его сыновья и дочери тождественны съ рѣками. То же самое было и у грековъ: и тамъ рѣки производились отъ Океана, а никакъ не отъ Посейдона, который много моложе ихъ

Дѣти Стрибога—вѣтры. Касательно ихъ слѣдуетъ обратить

---

[1]) Аѳ. т. I, стр. 476.

[2]) Тамъ же, стр. 313.

вниманіе на одно обстоятельство. Главныхъ вѣтровъ можно считать четыре, восемь и болѣе, но во всякомъ случаѣ число должно выходить чётное. Между тѣмъ въ заклинаніяхъ мы постоянно видимъ трехъ братьевъ вѣтровъ буйныхъ или семь, но никогда не видимъ восьми и четырехъ. Единственно возможное объясненіе это то, что недостающій вѣтеръ есть самъ Стрибогъ, тотъ старый вѣтеръ, о которомъ говоритъ преданіе, что еслибъ и онъ еще дохнулъ, то міръ бы перевернулся, но онъ покамѣстъ молчитъ, только по временамъ свиститъ сквозь зубы, отъ чего и происходитъ буря [1]). Вѣтры зовутся по сторонамъ свѣта: стокъ, полудень, сѣверъ и западъ. Одинъ изъ четырехъ пропускается: то тотъ, то другой. Намъ кажется, что Стрибогу первоначально былъ посвященъ западъ, какъ это было въ Индіи, гдѣ Варунѣ, царю моря, была отдана западная сторона. Притомъ самый сильный вѣтеръ въ восточной Европѣ—это западный, да и идетъ-то онъ отъ океана. Стрибогъ кромѣ обязанностей, исчисленныхъ выше, несетъ еще одну: онъ перевозитъ вмѣстѣ съ Іеруномъ души усопшихъ чрезъ море (въ видѣ Иліи и Николы) [2]). Понятно, ибо въ древнѣйшихъ преданіяхъ море небесное и земное сливались, и Стрибогъ-Варуна первоначально былъ богомъ неба, подобно самому Перуну. Съ преданіями этими можно сопоставить извѣстіе чешской хроники Гайка о томъ, что древніе славяне вѣрили, что къ покойникамъ приставлены «водца» и «плавца», изъ которыхъ одинъ (Перунъ) переводитъ ихъ, а другой (Стрибогъ) переправляетъ черезъ пространство [3]).

Третій царь—Огонь. Бѣлоруссы зовутъ его Жижалъ [4]) и помѣщаютъ въ землѣ, приписывая ему лѣсные пожары. Онъ мало олицетворяется въ русскихъ преданіяхъ и даже исключенъ изъ числа міровладыкъ. Впрочемъ древніе памятники утверждаютъ, что ему покланялись подъ именемъ Сварожича. Этотъ самый Сварожичъ пользовался особымъ поклоненіемъ на Поморьи. Другое имя его было Радегостъ. Ему былъ посвященъ знаменитый храмъ въ Ретрахъ, столицѣ земли лютичей, гдѣ было и прорицалище. Нѣкоторые дѣлаютъ изъ Сварожича и Радегоста двухъ разныхъ

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 311.
[2]) Тамъ же, стр. 576.
[3]) Касательно Стрибога мы много обязаны статьѣ Аверкіева: Миѳическая старина («Заря» 1870), а также и словеснымъ его указаніямъ.
[4]) Аѳ. т. 2, стр. 7.

боговъ, но, кажется, безъ достаточныхъ основаній. Имена ихъ тождественны. Что Сварожичъ есть огонь, о томъ имѣется прямое указаніе. Слово Радегостъ Аѳанасьевъ объясняетъ корнями *рад* (сіять) и *гам* (жрать), откуда происходитъ латинское гостія жертва [1]), а также нашъ гость. Слѣдовательно Радегостъ значитъ сіяющій гость; значеніе это подтверждается тѣмъ, что *рад* значитъ кромѣ того править, владѣть. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что огонь въ русскихъ заклятіяхъ и по нынѣ величается гостемъ. Кромѣ того Радегостъ можетъ еще означать владыка жертвы или правящій, рядящій жертвой, что очень близко къ санскритскому прозвищу Агни или Огня—Гутахана (пожиратель жертвы). Но разъ, что Радегостъ имѣетъ прямое отношеніе къ понятіямъ очага и гостя, онъ естественно дѣлается богомъ гостепріимства. И поэтому правы тѣ, которые сближали его съ Меркуріемъ. Весьма возможно, что сами поморяне, забывъ смыслъ древнихъ корней, думали, что Радегостъ значитъ: радующійся гостямъ. Объ истуканѣ Огня мы знаемъ только то, что онъ подобно другимъ поморскимъ былъ многоглавый, былъ украшенъ золотомъ и имѣлъ ложе, покрытое багряницей. Приписываютъ ему и оружія. Кромѣ того въ Ретрахъ было преданіе, что когда какая-нибудь опасность грозила лютичамъ изъ озера, окружавшаго городъ, то выходилъ огромный вепрь съ сіяющими клыками и показывался въ воротахъ храма. Вепрь—символъ пожирающаго огня; сіяющіе клыки указываютъ также на пламя.

Остается еще царь земляной, то-есть подземный. Поляки звали его Ніемъ (сравни навій—мертвый) и говорили, что къ нему отправляются покойники въ ладьяхъ черезъ море. Ему воздвигались особые храмы. Но, кажется, онъ имѣлъ и другое имя—Ситвиратъ. Такъ переводитъ Вацерадъ Сатурна. Что былъ у славянъ богъ тождественный или по крайней мѣрѣ сходный съ Сатурномъ, ясно изъ арабскихъ писателей. Они утверждаютъ, что у славянъ находилось гдѣ-то капище Сатурна, который былъ изображенъ сѣдымъ старцемъ, съ жезломъ въ рукахъ (сравни жезлъ Ямы, индійскаго царя земнаго). Жезломъ этимъ онъ ворошилъ кости мертвыхъ, а у ногъ его сидѣли муравьи и вороны, все животныя, питающіяся трупами. Очевидно, что это царь мертвыхъ [2]).

---

[1]) Аѳ. т. 2, стр. 4.

[2]) Эрбена письмо о славянской миѳологіи, «Русская Бесѣда» 1857 г., 4.

Ситиврать, по объясненію Эрбена, значитъ солоноворотъ. Это богъ мрачный и зимній, который долженъ рано или поздно уступить мѣсто другому свѣтлому, какъ Сатурнъ или Кронъ уступилъ Зевсу. Онъ кажется тоже, что Морозъ. Преданія о борьбѣ Ситиврата и юнаго бога восходятъ къ глубокой древности. На той точкѣ, до которой дошла славянская миѳологія передъ принятіемъ христіанства, этотъ миѳъ уже не вязался съ остальными. Поэтому онъ дошелъ до насъ только въ мистеріяхъ коледы, но и тамъ мы видимъ колебаніе въ представленіяхъ. Мрачный, подземный Зевсъ смѣшивается съ небеснымъ, и солнце, которое онъ преслѣдуетъ, оказывается какъ будто его сыномъ, такъ что враждебныя черты Ситиврата переходятъ и на самого Перуна. Но этотъ вопросъ мы еще разберемъ нѣсколько ниже.

Какъ Морозъ, Ситивратъ носитъ еще имя Карачуна. Мы говорили о томъ, что бѣлоруссы до сихъ поръ знаютъ боговъ времени года. Бога зимы они зовутъ Зюзя. Онъ сѣдой, съ длинною бородой, безъ шапки, съ босыми ногами, въ теплой бѣлой одеждѣ и съ желѣзною булавой. Это тотъ же Морозъ или Карачунъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ ему оставляютъ наканунѣ новаго года нѣсколько кутьи на столѣ, чтобъ онъ не былъ лютъ. Однимъ словомъ, Ній, Ситивратъ, Карачунъ, Морозъ, Зюзя—все это существа близкія между собой.

Женою землянаго царя можно считать Морану—смерть. Вѣроятно къ ихъ племени принадлежатъ сонъ и дрема, о которыхъ поютъ пѣсни. Изъ животныхъ Ситиврату посвящалась, по словамъ Вацерада, сорока, по другимъ преданіямъ, сотворенная Чернобогомъ. Но мы видѣли, что всякому дуалистическому объясненію соотвѣтствуетъ унитарное. Вообще личность Ситиврата разбивается въ миѳахъ на многія. Сюда же относятъ нѣкотораго Трояна, царя ночи, который погибаетъ отъ первыхъ лучей солнца и о которомъ есть извѣстія въ сербскихъ сказаніяхъ и въ русскихъ письменныхъ источникахъ *).

*) Впрочемъ имя Троянъ первоначально значило то же, что Триглавъ, и приписывалось верховному богу, владыкѣ трехъ стихій: воздуха, воды и земли. Потомъ оно удержалось только за царемъ землянымъ. Замѣтимъ нѣсколько словъ касательно тріады. Она встрѣчается почти у всѣхъ арійцевъ: у грековъ—Зевсъ, Посейдонъ, Аидъ (земля), у германцевъ: Одинъ, Бежеръ, Локи (огонь); у литвы: Перкунъ, Потримпъ, Пикулисъ (земля и огонь подземный). Мы видимъ такимъ образомъ, что третій царь двоится, представляя не одну, а двѣ сти-

Пора заняться потомствомъ Перуна. Между его дѣтьми первое мѣсто занимаетъ солнце—царь или Хорсъ-Дажбогъ [1]. Сыномъ Перуна мы его почитаемъ на томъ основаніи, что его мать есть, очевидно, Симаргла или огненная Марія. Да впрочемъ болѣе его некому и приписать: дѣти неба—это четыре міровладыки, между которыхъ Дажбогу нѣтъ мѣста [2]. Хорсъ значитъ свѣтъ (Кърсъ), Дажбогъ—огненный богъ. Что Дажбогъ есть при этомъ именно солнце, ясно изъ лѣтописи, которая переводитъ Дажбогомъ греческаго Геліоха. Еще онъ носитъ имя Ладо, то-есть устроивающій ладъ въ природѣ, и дѣдъ Всевѣдъ златовласый (у чеховъ). Преданій о солнцѣ огромное количество и изъ нихъ можно возстановить всю миөическую обстановку этого божества. По словамъ ихъ, Дажбогъ живетъ на востокѣ. Тамъ стоятъ золотыя палаты бога, тамъ онъ возсѣдаетъ на пурпуровомъ, златотронномъ престолѣ и судитъ людей, то-есть изрекаетъ имъ судьбу. У престола стоятъ его сестры зори, утренняя и вечерняя, семь судей (планеты или преходницы), семь вѣстниковъ (кометы) и лысый мѣсяцъ его дядя (въ другихъ преданіяхъ, и большею частію, братъ). Дѣти солнца—12 мѣсяцевъ; каждый изъ нихъ сидитъ въ своемъ царствѣ (созвѣздіи) и всѣмъ имъ прислуживаютъ прекрасныя солнечныя дѣвы, которыя метутъ имъ дворы и плетутъ золотые волосы [3]. Каждый день Дажбогъ въѣзжаетъ на небо на бѣлыхъ огнеды-

хіи. У индійцевъ (отчасти, какъ мы видѣли, и у насъ) дѣйствительно тріаду замѣняетъ четверица: Индра — Перунъ, Варуна—Стрибогъ, Яма—Ситивратъ, Агни—Радегостъ. Но въ послѣдней, индійской, миөологіи снова выступаетъ тріада: Брама—творецъ (небо), Вишну—охранитель (вода) и Сива—разрушитель (огонь). Тріада, по всему вѣроятію, древнѣе. Люди первоначально представляли себѣ землю окруженною тремя богами: надъ нею свѣтлое небо, вокругъ—океанъ, внизу—подземный огонь (Жижъ бѣлоруссовъ), вырывающійся повременамъ изъ-подъ земли. Сама земля представлялась какимъ-то огромнымъ, полуживотнымъ, ради котораго и существуетъ весь міръ. Четверица гораздо менѣе логична.

[1] Одно ли лице Хорсъ и Дажбогъ или два, трудно рѣшить съ полною достовѣрностью. На основаніи лѣтописи можно доказывать и то и другое. Въ «Словѣ о полку Игоря» Хорсъ, повидимому, означаетъ солнце. Имя его не противорѣчитъ такому толкованію.

[2] Въ извѣстномъ мѣстѣ Ипатьевской лѣтописи Бежестъ переведенъ Сварогомъ, а сынъ его Беліосъ—Дажбогомъ. Но здѣсь Сварогъ означаетъ именно Перуна, да и Бежестъ съ небомъ не имѣетъ ничего общаго.

[3] Аө. т. 1, стр. 62.

шащихъ коняхъ и въ свѣтлой колесницѣ. Заря утренняя выводитъ коней на небо, вечерняя ихъ принимаетъ. Во время своего пути солнце подвергается многимъ превращеніямъ. Явившись на небо прекраснымъ юношей, оно къ полудню дѣлается мужемъ среднихъ лѣтъ, а сходитъ съ неба старымъ дѣдомъ. Юность свою оно получаетъ обратно, окунувшись въ морѣ, гдѣ живетъ его прекрасная супруга Лада (см. ниже). У ней солнце и ночуетъ, по другимъ же преданіямъ оно спитъ на колѣнахъ у своей матери (Симарглы). О наружности солнца извѣстно, что оно златовласо и имѣетъ на головѣ сіяющую корону.

Въ ту эпоху славянской миѳологіи, на которой ее захватило христіанство, Дажбогъ почитался едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ. О немъ осталось наиболѣе миѳовъ, къ нему были пріурочены почти всѣ годовые праздники. Перунъ считался, конечно, выше своего сына, но Дажбогъ былъ любезнѣе для народа, и славяне звали даже себя Дажбожьими внуками, то-есть солнечными. Первый праздникъ солнца праздновался первоначально въ срединѣ зимы, во время самаго солоноворота. Это извѣстная всѣмъ коляда, вослѣдствіи слившаяся съ Рождествомъ. Смыслъ этого праздника таковъ:

Зима, Чернобогъ или Ситивратъ нагналъ тучи на небо. Природа мертва, свирѣпые волки—мятели бѣгаютъ по полямъ, дни убыли, міру грозитъ гибель. Но вотъ долженъ родиться молодой Божичъ (такъ зовется виновникъ торжества у сербовъ) солнце, дитя. Перуна и Симарглы, грома и тучи. Ситивратъ Карачунъ чуетъ, что скоро придетъ конецъ его владычеству; онъ боится, что родившееся солнце сдѣлаетъ для него невозможной борьбу со свѣтлыми богами, и хочетъ погубить младенца при рожденіи. Но мать солнца, Коледа (то же, что и жена Перуна), хочетъ спасти младенца. Обратясь въ козу, символъ молніи, она бѣгаетъ по землѣ. За ней гоняются волки—мятели, гонится самъ Карачунъ въ образѣ медвѣдя *), но она убѣгаетъ отъ нихъ, прячется въ ивнякахъ и рождаетъ тамъ Дажбога. Народъ ждетъ рожденія Божича и поетъ:

Ого-го козынька,
Ого-го сѣра,
Ого-го бѣла!

---

*) Святочные медвѣдь и коза. Первоначально, вѣроятно, водили живыхъ медвѣдя и козу, потомъ ихъ замѣнили ряжеными людьми.

Гдѣ коза ступою,
Тамъ жито купою;
Гдѣ коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ;
Гдѣ коза ходитъ,
Тамъ жито родитъ....

Сходство съ греческой козой Амальтеей очевидно. У грековъ съ развитіемъ миѳологіи коза уже не могла быть матерью Зевса и изъ нея сдѣлали его кормилицу.

Коледа, преслѣдуемая волками, поетъ:

Не боюсь я въ полѣ ловца,
Ни въ лѣсѣ стрѣльца;
Только боюся
Стараго дѣда,
Сивобородаго,
Съ тугимъ лукомъ:
Онъ меня ранитъ
Съ тугаго лучка,
Съ праваго плечка *).

Кто этотъ врагъ Дажбога? Мы знаемъ уже, что миѳъ о Коледѣ состоитъ въ связи съ греческимъ о рожденіи Зевса. Тамъ Божича преслѣдуетъ родной отецъ Кронъ. У насъ отецъ Дажбога—Перунъ: не онъ ли является въ этой пѣснѣ сивобородымъ и туголукимъ дѣдомъ?—Врядъ ли. Во-первыхъ, Перунъ имѣетъ пламенную бороду, во-вторыхъ, при дуализмѣ война между двумя свѣтлыми божествами не мыслима. Всего проще признать дѣла Чернобогомъ; но почему же Перунъ не защищаетъ своего сына? Кажется, что и въ этомъ случаѣ греческій миѳъ можетъ объяснить дѣло. Вѣроятно, эпопея о рожденіи Дажбога восходитъ ко временамъ предшествующимъ дуализму и выводитъ не Чернобога, а столь близкаго къ нему Ситиврата, подземнаго царя и брата Перунова; дѣло въ томъ, что и у грековъ врагомъ Зевса является собственно не Кронъ, а его братъ, злобный Титанъ, который взялъ съ Крона клятву не имѣть дѣтей, чтобы царство перешло со временемъ къ нему. Похоже, что и нашъ миѳъ снованъ на чемъ-нибудь въ томъ же родѣ.

Но вотъ наконецъ рождается Божичъ. Славяне собираются у

*) Бѣлорусскія пѣсни, Безсонова.

огней на берегу рѣки, и родоначальникъ закалываетъ козла Перуну и свинью Дажбогу. Люди зовутъ Коледу и поютъ:

Дѣдко свинушку убилъ,
Дѣдко бѣленькую,
Свинку пѣгенькую....
Ай да Божья Коледа!
Прилетай къ намъ свысока
Разъ въ желанный годъ....
Ай эхъ Коледа!
Лети шибче свысока,
Да морозомъ не тряси,
Благословенье намъ неси [1])!

Свинья у всѣхъ почти арійцевъ приносилась въ жертву на зимнемъ праздникѣ, и по многимъ обстоятельствамъ не подлежитъ сомнѣнію, что эта жертва относится къ солнцу. О принесеніи въ жертву козла свидѣтельствуетъ другая пѣсня:

Уродилась Коледа (т.-е. родила)
Наканунѣ Рождества.
За рѣкою за быстрою
Лѣса стоятъ дремучіе.
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Коледушкѣ;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ;
Котелъ кипитъ кипучій,
У котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати [2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно же у сербовъ, коляду замѣняетъ другой любопытный праздникъ—такъ-называемый бадній или будній день (день пробужденія солнца). Онъ празднуется въ самую коляду—наканунѣ Рождества, а самое Рожде-

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 780.
[2]) Тамъ же, т. 2, стр. 258.

ство именуется Божичемъ. Бадній день состоитъ въ томъ, что глава семейства идетъ въ лѣсъ, вырубаетъ колоду, которая называется бодникомъ, и привозитъ съ великимъ почетомъ домой. Затѣмъ бодникъ кладутъ на очагъ и зажигаютъ, но при этомъ чествуютъ его, какъ идола, обмазываютъ его масломъ, льютъ на него масло и вино; ему желаютъ здравія и обращаются къ Богу съ молитвой за «стараго Бодняка» и за «младаго Божича». Трудно сомнѣваться, что боднякъ есть въ этомъ случаѣ символъ или даже идолъ Перуна, отца солнца. Всѣ эти обряды перемѣшаны съ христіанскими молитвами, и такъ какъ христіанскій и языческій обрядъ относятся одинаково къ новорожденному богу, то отдѣлить церковное отъ не церковнаго большею частію бываетъ невозможно. Кромѣ того во многихъ мѣстахъ славянщины еще но нынѣ совершаются наканунѣ новаго года, въ такъ-называемый щедрый вечеръ, арконскій обрядъ Святовита. Отецъ семейства прячется за грудой пироговъ и спрашиваетъ дѣтей, видятъ ли они его, и когда тѣ скажутъ, что нѣтъ, отвѣчаетъ: дай же Богъ, чтобъ и на другой годъ не видѣли. Арконскій жрецъ прятался за однимъ огромнымъ пирогомъ. Тогда же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прославляютъ Овсеня или Ацсеня *) (то же самое солнце, отъ санскритскаго корня *ули*—сіять), а встарину кликали еще Плугу: надо полагать, эпитетъ какого-нибудь земледѣльческаго божества.

Скажемъ нѣсколько словъ объ имени коляда. Вопросъ о немъ до сихъ поръ не рѣшенъ. Одни упорно твердятъ, что это имя заимствовано отъ классическихъ календъ, другіе ищутъ объясненій въ славянскомъ языкѣ, но объясненія ихъ выходятъ, правду сказать, слишкомъ искусственны. Мы прежде всего спросимъ первыхъ: когда и ради какихъ причинъ православные славяне могли занять это слово. Въ кругѣ церковныхъ праздниковъ, кажется, никакой коляды или календы не встрѣчается, да и слово-то это латинское, которое и у самихъ грековъ было чужимъ. Откуда могъ узнать хотя бы русскій народъ, что римляне зовутъ первое число января январскими календами? А еслибъ онъ это и узналъ, то какое ему могло быть до этого дѣло? Что онъ сталъ звать коляду Рождествомъ, это понятно, ибо такъ учила церковь; но Рождества церковь календой не называла.

Что же касается до смысла слова, то тутъ, очевидно, скры-

*) Вѣроятно, то же, что Есень польскихъ старинныхъ писателей.

вается коло или колесо, символъ солнца, и коляда то же самое, что германскій зимній праздникъ—Іола (колесо). Но что дѣлать съ окончаніемъ? Навѣрное утверждать не рѣшаемся, но позволимъ напомнить о санскритскомъ корнѣ *инд*, который значитъ владѣть, царствовать. Изъ *кол* и *инд*, кажется, возможно вывести форму календа или коляда. Тогда смыслъ слова былъ бы коло—князь. Это имя, вѣроятно, давалось солнцу, но въ позднѣйшее время, кажется, перешло на его мать.

Божичъ ростетъ и забираетъ силу; скоро дни начинаютъ замѣтно прибывать и дѣлаются оттепели. Тогда празднуется первый весенній праздникъ Радужица, который впослѣдствіи великій постъ раздѣлилъ на двѣ половины. На саняхъ возятъ колесо, символъ солнца, и женщину или чучело, которыя изображаютъ его мать. Иногда возятъ и живаго медвѣдя, изображающаго Перуна, или водятъ быка, который имѣетъ то же значеніе. При этомъ происходятъ грубыя оргіи; ихъ впрочемъ не чужды и другіе праздники.

Пропускаемъ заклинаніе весны, Юрьевъ день и Семикъ, которые относятся болѣе къ Ярилѣ, божеству, родственному съ солнцемъ, и къ его матери Ладѣ, и обратимся къ величайшему празднику славянъ, знаменитому Ивану Купалѣ.

Миѳъ Ивана Купалы, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ.

Возмужавшій Дажбогъ увидѣлъ съ неба Ладу или Купалу [1]; морскую царевну или царь-дѣвицу, дочь морскаго царя (Кто въ этомъ случаѣ разумѣется подъ именемъ морскаго царя, трудно рѣшить; склоняемся болѣе къ тому, что это Водяникъ). Влюбился въ нее Дажбогъ: чуть только выйдетъ на небо и увидитъ ее, тотчасъ покраснѣетъ, а не увидитъ — поблѣднѣетъ. А она ѣздила по морю въ золотой лодкѣ, гребя серебрянымъ весломъ, и плескала водой на Дажбога, смѣясь надъ нимъ. И была у нея «золотая коса—непокрытая краса» [2].

---

[1]) Она же у западныхъ славянъ имѣла кромѣ того имя Ірія (родственно съ Фрея). Вѣроятно, сюда же относится лѣтописная Мокошь, истуканъ которой стоялъ въ Кіевѣ рядомъ съ Перуномъ, Дажбогомъ, Стрибогомъ и Симарглой. Мокошь значитъ водяная. Въ малорусской пѣснѣ о походѣ на Грецію она является богиней веселья. Такъ оно и должно быть.

[2]) Ср. описаніе Купалы въ бѣлорусской пѣснѣ:

«Сидитъ Купала на плотѣ,
Да головушка вся въ златѣ».

Вотъ и собирается Дажбогъ ѣхать по морю за невѣстой. Хоть и трудно сватать въ чужомъ племени, да ужь очень онъ влюбился. Объ этомъ купальская пѣсня поетъ такъ:

Иванъ болванъ [1])
Челнъ тешетъ,
Весла стружитъ,—
Только сѣсть да поѣхать
Да за горочку,
По вдовочку,—
Легко брати,
Да тяжко жити.
Иванъ-болванъ
Челнъ тешетъ,
Весла стружитъ,—
Только сѣсть да поѣхать
Да за рѣченьку
А по дѣвочку,—
Тяжко брати,
Да легко жити [2]).

Поѣхалъ онъ не одинъ, а со сватами-боярами. Но морской царь принялъ ихъ такъ, что Дажбога привезли полумертвымъ:

Ой дымно за дворомъ,
Ѣдутъ бояре всѣ рядомъ,
Везутъ Янку на коникѣ,
Да его голова на мечѣ,
Да за нимъ-то маточка плачучи:
Ой сынокъ, Янка,
За кого головку положилъ:
Иль за пана отца стараго (Перуна),
Или за матку родную (Симарглу),
Или за братика молодаго (Велеса),
Иль за сестрицу малую (Денницу).

Янка отвѣчаетъ, что онъ положилъ голову за дѣвушку, за ея тихіе походы, за ея низкіе поклоны [3]).

---

[1]) Г. Безсоновъ объясняетъ болвана идоломъ. Но кажется, что тутъ замѣшался Иванъ дуракъ, о которомъ скажемъ ниже.

[2]) Бѣлорусскія пѣсни.

[3]) То же.

Тогда, какъ можно догадываться изъ сходныхъ разсказовъ, Дажбогъ подослалъ своего вѣрнаго слугу, который и сумѣлъ изловить царь-дѣвицу. Онъ разложилъ на берегу моря разные наряды, въ томъ числѣ зеленые черевички. Въ черевичкахъ этихъ многіе видятъ цвѣтокъ Киприпедій (по-гречески башмакъ Венеры) или Марьинъ башмачокъ. Лада залюбовалась драгоцѣнностями, вышла на берегъ и была похищена [1]). Но она не вдругъ согласилась быть женой Дажбога. Она задавала ему разныя задачи: требовала, чтобъ онъ досталъ со дна океана ларчикъ съ ея украшеніями, потомъ, чтобъ онъ пригналъ съ моря ея морскихъ кобылицъ и выкупался въ ихъ молокѣ, которое даетъ чудную красоту. Смыслъ этого миѳа ясенъ. Состарѣвшееся солнце окунается въ морѣ и получаетъ юность. Дажбогъ, то-есть его слуга, все это исполнилъ, и свадьба солнца состоялась [2]).

Впослѣдствіи миѳъ перешелъ въ сказки. Слуга затмилъ господина, и изъ свѣтлаго солнца сдѣлали стараго царя, который добивается безуспѣшно молодой красавицы. Купанье въ кипящемъ молокѣ губитъ его и удается, напротивъ того, слугѣ, который и получаетъ царь-дѣвицу. Впрочемъ солнце такъ или иначе замѣшано въ этихъ сказаніяхъ, являясь то братомъ царь-дѣвицы, то влюбленнымъ въ нее. Сказокъ въ этомъ родѣ множество. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, богатырь Катигорошекъ похищаетъ морскую дѣву для себя, но тутъ же замѣчено, что въ нее было влюблено и солнце. Въ другой—слуга похищаетъ невѣсту для своего царя Бѣлозерскаго (кажется, это—эпитетъ солнца), и при этомъ—то же обстоятельство. Кромѣ Катигорошка, въ которомъ нѣкоторые видятъ существо громовое, похититель носитъ много другихъ именъ, всего же чаще называется Иваномъ или Яномъ, иногда и Иваномъ дуракомъ [3]).

[1]) Ея мать думала, что Лада утонула, и искала ее всюду. По крайней мѣрѣ такъ намъ кажется смыслъ пѣсни о Тихонѣ. См. бѣлорусскія пѣсни.

[2]) Аѳ. т. 2, стр. 127 и ниже.

[3]) О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, г. Потебна. Въ этомъ сочиненіи собрано множество подобныхъ сказаній. Вообще огромное большинство нашихъ сказокъ вышло изъ миѳа о Дажбогѣ и Ладѣ. Сюда же, надо полагать, относится сказанія объ Иванѣ-царевичѣ и Марьѣ—дочери Кощея. Имя Марья или можетъ-быть Марана одинаково принадлежитъ и Симарглѣ и Ладѣ. Въ сказаніяхъ этихъ царевна идетъ добровольно за Дажбога и даже спасаетъ его отъ погони Кощея, оборачивая и его и себя въ разные образы. Но любопытно, во что именно они оборачиваются: Марья дѣлается церковью, *колодцемъ*, *рѣкой*;

Лада, морская царевна, это Афродита грековъ, возлюбленная Аполлона солнца, Герда скандинавовъ, жена Фрея солнца. Подобно тому, какъ у насъ Герда долго мучаетъ Фрея и онъ добываетъ ее съ помощью вѣраго слуги, Ладу часто смѣшиваютъ съ женой Перуна, но совершенно напрасно. Она есть существо прежде всего водное, а слѣдственно и богиня плодородія, которое даютъ земля, солнце и вода вмѣстѣ. Въ полухристіанскихъ преданіяхъ ее замѣнила святая Параскевія, а по народному просто Пятница [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что у славянъ пятница, какъ и у другихъ арійцевъ, была посвящена богинѣ любви. Преданія о пятницѣ, уцѣлѣвшія до нынѣ, не имѣютъ ни самомалѣйшей связи со святой Параскевіей, суть вполнѣ языческія и всегда преслѣдовались церковью, хотя безъ большаго успѣха. Въ преданіяхъ этихъ Лада, какъ существо водное и прихотливое, является подчасъ злой и вообще не безопасной для людей. Она заходитъ по пятницамъ въ дома и наблюдаетъ, не занимаются ли женщины работами, запрещенными въ этотъ день. Работы эти главнымъ образомъ—пряжа и мытье платьевъ. Нарушительницъ закона Пятница строго наказываетъ. Вообще эта богиня есть покровительница женщинъ и ихъ трудовъ. Запрещеніе мытья тоже стоитъ въ связи съ водной природой Лады. Есть извѣстія, что ей были встарину посвящены бани, которыя чуть ли даже не замѣняли ея храмъ. Одна бѣлорусская пѣсня, описывая языческое поклоненіе Купалѣ, говоритъ:

Середь села Волчковскаго,  
Тутъ стояла лазня (баня) дубовая;  
А ходили парни Богу молиться:  
Столбъ обнимали, печь цѣловали,  
Передъ Сопухой крыжомъ лежали;  
Они думали: Пречистая,  
Анъ это Сопуха нечистая [2]).

Сопуха, очевидно, одно изъ прозвищъ Лады, какъ богини гнѣвной. Сопѣнье придается и германской Фреѣ, сестрѣ и возлюбленной солнца, которая во многомъ соотвѣтствуетъ Ладѣ.

---

Иванъ—попомъ, ковшомъ, мостомъ. Всегда Марья окружаетъ, обхватываетъ Ивана. Смыслъ понятенъ: солнце купается въ морѣ.

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 231 и ниже.

[2]) Бѣлорусскія пѣсни.

Разгнѣвалась Фрея
И фыркала.
Задвигалось на ней
Все ожерелье (старая Эдда. Гамарсгеймтъ).

Въ двоевѣрныхъ преданіяхъ кромѣ пятницы говорится о св. недѣлѣ, а иногда и о середѣ. Подъ недѣлей, быть-можетъ, разумѣется Симаргла. Она же иногда называется съ греческаго Анастасіей и смѣшивается съ Параскевіей Пятницей. Въ одномъ изъ разсказовъ о царь-дѣвицѣ послѣдняя именуется прекрасной Анастасіей, что сильно подтверждаетъ наше объясненіе о тождествѣ морской царевны съ Ладой Пятницей.

Остается еще упомянуть о двухъ именахъ Лады и о связанномъ съ ними особомъ поклоненіи: первое имя—Додола или Преперуга; оба встрѣчаются у сербовъ. Додола, вѣроятно, то же, что Дидилія старинныхъ польскихъ писателей, по ихъ объясненію, богиня плодородія. Имя Преперуга объясняютъ отъ корня *пр* или *пре*—прыскать [1]). Обрядъ Додолы или Преперуги слѣдующій. Когда нужно вызвать дождь, дѣвушки выбираютъ одну изъ себя, раздѣваютъ ее до нага и обвязываютъ со всѣхъ сторонъ травою и цвѣтами, потомъ ее водятъ по всей деревнѣ. У каждаго дома шествіе останавливается и поются обрядныя пѣсни, а Додола Преперуга (такъ называется упомянутая дѣвушка) пляшетъ и вертится. Хозяинъ дома выливаетъ на нее ведро воды, и затѣмъ идутъ далѣе. Такое же шествіе устроиваютъ иногда и юноши, причемъ главный именуется перпацъ, а другіе перпорушами [2]). Обрядъ этотъ, очевидно, одинъ и тотъ же съ почитаніемъ загадочнаго бога Перенлута, въ честь котораго на Руси, по словамъ древнихъ памятниковъ, «вертяся пили изъ роговъ». Корни словъ въ Переплутѣ и Преперугѣ, кажется, родственныя—*пр*, *плу*, а значеніе ихъ одно и то же и указываетъ на воду (плыть). Однимъ словомъ, мы видимъ, что рядомъ съ Ладой Преперугой было поставлено другое мужское божество Переплутъ, по всему вѣроятію, ея братъ.

Другое имя Лады встрѣчается въ бѣлорусскихъ обрядахъ. Оно

[1]) При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду старипнаго слова препругъ—поясъ, перевязь. Преперуга, какъ мы видѣли, *обвязывается* травой. Скажемъ еще, что болгаре зовутъ Преперугой бабочку. Изъ этого можно заключить, что бабочка есть одинъ изъ символовъ Лады.

[2]) Аѳ. т. 2, стр. 178 и ниже.

связано съ заклинаніемъ весны, которая оказывается посвященною этой богинѣ, какъ лѣто громовницѣ. Наканунѣ Юрьева дня празднуется праздникъ Ляльникъ. Дѣвушки собираются на лугу, выбираютъ самую красивую изъ себя и нарекаютъ ее Лялею (Ляля или Лёля; сравни съ Лелемъ, богомъ любви и однимъ изъ именъ Дажбога. Диди-Лель или Диди-Ладъ встрѣчаются въ преданіяхъ вмѣстѣ и называются братьями). Лялю одѣваютъ въ бѣлое, обвязываютъ зеленью и надѣваютъ вѣнокъ на голову. Она садится, передъ ней ставятъ жертвы (хлѣбъ, молоко, яйца и пр.) и ходятъ вокругъ нея хороводомъ, моля объ урожаѣ. Самое заклинаніе весны бываетъ обыкновенно раньше. При этомъ обращаются прямо къ Ладѣ:

Благослови мати,
Ой Лада, мати!
Весну закликати *)

Теперь мы объяснили трехъ изъ славянскихъ боговъ года. Но съ четвертымъ богомъ осени трудно что-нибудь сдѣлать. Зовутъ его бѣлоруссы Жиценъ. Онъ пожилой, маленькій, съ косматыми волосами, троеглазый и съ суровымъ выраженіемъ лица. Послѣ уборки хлѣба ходитъ по полямъ и смотритъ, чисто ли оно убрано. Если найдетъ у кого-нибудь много брошенныхъ колосьевъ, связываетъ ихъ въ снопъ и переноситъ на полосу исправнаго хозяина. На другой годъ на первой полосѣ будетъ неурожай, а на второй урожай. Кромѣ того онъ утаптываетъ зерна при посѣ-

---

*) Изъ растеній Ладѣ посвящена одоленъ-трава или бѣлая водяная нимфея. Сербы считаютъ ее любовнымъ талисманомъ; по ихъ словамъ, горныя вилы такъ пѣли объ этомъ людямъ:

Кабы знала женская голова,
Что есть одоленъ-трава,
Всегда бы ее брала,
Въ поясъ зашивала,
При себѣ носила.

Аѳ. т. 2, стр. 417. Великолѣпный цвѣтокъ, о которомъ идетъ рѣчь, вполнѣ заслуживаетъ быть посвященнымъ славянской Афродитѣ. Между животными ей, кажется, принадлежала кошка. По крайней мѣрѣ у германцевъ этотъ звѣрь былъ посвященъ Фреѣ, да и у насъ есть преданія о котѣ *морскомъ*. Но при этомъ позволимъ себѣ одну догадку: котъ Фреи Лады не былъ ли сначала тюленемъ? Морскими котами тюлени называются какъ въ славянскихъ, такъ и въ германскихъ языкахъ.

вахъ, передъ голоднымъ годомъ ходитъ въ видѣ нищаго и грозитъ пальцемъ людямъ. Куда отнести это существо, мы не беремся рѣшить, развѣ только къ Волосу. Но аналогія еще недостаточна [1])

Что касается до самаго имени Иванъ-Купала, которымъ называется главный праздникъ солнца, то изъ всѣхъ пѣсней можно видѣть, что тутъ празднуется двумъ божествамъ: мужскому и женскому. Иванъ можетъ быть только солнцемъ. Явилось это имя вслѣдствіе отнесенія солнечнаго праздника ко дню Іоанна Крестителя, а отнесеніе это произошло вслѣдствіе сходства по смыслу между Креститель и Купало. Но возможно и то, что имя Янъ, которымъ именуется у западныхъ славянъ герой праздника, древнѣе христіанства и родственно съ италійскимъ Янусомъ, богомъ свѣта. Впрочемъ покамѣстъ это только возможно. Купалу нельзя счесть ни за кого, кромѣ Лады, невѣсты солнца. Она изображается сидящей у берега на плоту, рвущей цвѣты въ саду Яна, пирующей у него, и такъ далѣе [2]). Слово Купала обыкновенно сближаютъ со стариннымъ прилагательнымъ купавый, что значитъ хорошій, сильный въ этомъ родѣ (Купавъ молодецъ въ пѣсняхъ); иные сближаютъ съ греческой Кибелой [3]).

Янъ-Купала есть праздникъ побѣды солнца, день его величайшаго могущества и свадьбы его съ Ладой—плодоносной землей. Толпами собираются славяне къ рѣкѣ или озеру въ тѣнь деревьевъ, зажигаютъ костры и поютъ священныя пѣсни до самаго утра, ожидая побѣдителя—Дажбога. Страшныя заклятія грозятъ не принимающимъ участія въ торжествѣ:

Кто нейдетъ на травку на зеленую,
На улицу на широкую,
Пусть лежитъ колодою дубовою,
А дѣти его корчевьемъ пусть лежатъ [4])!

Между другими обрядами слѣдуетъ упомянуть о сажженіи или утопленіи чучелы Морены—смерти. Дѣвушки ходятъ вокругъ нея хороводомъ. Иногда эта Морена имѣетъ, напротивъ того, значеніе самой Лады. Ее бросаютъ въ рѣку и туда же пускаютъ съ горы

---

[1]) А еще раньше онъ могъ быть самимъ Бѣлбогомъ—сѣдымъ и троеглазымъ (тройственнымъ).

[2]) Бѣлорусскія пѣсни.

[3]) У насъ народъ объясняетъ Купалу купаньемъ, и можетъ-быть это толкованіе мало извѣстно еще въ древности.

[4]) Бѣлорусскія пѣсни.

огненное колесо—Дажбога. Этимъ символически изображается свадьба солнца съ Ладой. При этомъ поются слѣдующія пѣсни:

Ходили дѣвочки коло Мареночки,
Коло мое (хороводъ) водила Купала,
Будетъ играть солнышко на Ивана,
Накупался Иванъ да въ воду упалъ,
Купало подъ Ивана!
Иванъ да Марья (Дажбогъ и Лада)
На горе купались:
Гдѣ Иванъ купался,
Берегъ колыхался.
Гдѣ Марья купалась,
Трава разстилась.

Сравните преданіе, что море волнуется, когда въ него вступаетъ Дажбогъ, и другое о томъ, какъ Дажбогъ и Лада купаются въ молокѣ морскихъ кобылицъ (см. выше).

Купальская ночь, по мнѣнію народа, исполнена чудесъ. Деревья сходятъ съ мѣстъ и разговариваютъ другъ съ другомъ, поверхность рѣкъ кажется воспламененной. Огонь Перуна нисходитъ въ кусты папоротника и вспыхиваетъ на нихъ яркимъ цвѣткомъ (папоротникъ во многихъ мѣстахъ зовется Перуновъ цвѣтъ). Счастливъ тотъ человѣкъ, который овладѣетъ волшебнымъ цвѣткомъ: для него не будетъ тайнъ въ природѣ и ему будутъ повиноваться духи. Но за то и войско Чернобога боится, чтобы такое могущество не досталось смертному; оно ревниво сторожитъ кустъ, пугаетъ искателя разными страхами, хватаетъ на лету волшебный цвѣтокъ (онъ держется на кусту мгновенно) и уноситъ къ себѣ. Потому-то Перуновъ цвѣтъ достается очень немногимъ *).

На зарѣ народъ погружается въ воду, очищаясь отъ грѣховъ, безъ которыхъ праздникъ рѣдко обходится. И вотъ выѣзжаетъ колесница Дажбога, прыгая, какъ увѣряетъ народъ, по небу и играя разноцвѣтными огнями. Тѣмъ и кончается праздникъ.

Купальскій праздникъ, подобно колядѣ и другимъ, сопровождался и отчасти сопровождается немалымъ развратомъ, который впрочемъ считался религіозной обязанностью и поэтому дѣйствовалъ на нравственность не такъ вредно, какъ можно бы это думать. Во всякомъ случаѣ многіе изъ обрядныхъ бѣлорусскихъ

*) Аѳ. т. 2, стр. 379.

пѣсней (о не обрядныхъ, поющихся тутъ же, и говорить нечего) до того циничны, что нѣтъ ничего удивительнаго, если церковь постоянно возставала противъ подобныхъ игрищъ, тѣмъ болѣе, что лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ языческій смыслъ обряда былъ, конечно, гораздо яснѣе, чѣмъ теперь. Впрочемъ полагаемъ, что пріапическія стороны въ поклоненіи Дажбога были не всегда ему присущи, и вѣроятно дѣло началось съ обрядовъ болѣе чистыхъ. Впослѣдствіи же отъ символовъ свадьбы легко перешли къ весьма не символическимъ дѣйствіямъ.

Братъ солнца—мѣсяцъ. Такъ онъ именуется во многихъ пѣсняхъ. Но здѣсь мѣсто упомянуть о другомъ миѳѣ, который у литовцевъ сохранился и по нынѣ, а встарину былъ и у славянъ и, сколько можно судить, предшествовалъ тому, который мы сейчасъ разбирали. По этому миѳу солнце—женщина, а мѣсяцъ—мужчина [1]). Они вступили въ бракъ въ началѣ временъ, но мѣсяцъ влюбился въ денницу и покинулъ свою жену, которая до сихъ поръ гоняется за нимъ по свѣту, но безуспѣшно. Обрывки этого преданія можно встрѣтить во многихъ славянскихъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ, но, кажется, это не болѣе какъ остатокъ глубочайшей старины, относящейся къ тому времени, когда славяне и литовцы составляли еще одинъ народъ. Вообще же славянская миѳологія считаетъ солнце богомъ, а не богинею.

Теперь слѣдуетъ рѣшить вопросъ, какъ звали мѣсяцъ славяне. Наше мнѣніе, общее впрочемъ и нѣкоторымъ другимъ, то, что мѣсяцъ есть Велесъ или Волосъ, скотій богъ. Возраженія, которыя иные дѣлали противъ этого, слабы. Прежде всего мѣсяцъ долженъ имѣть миѳическое имя, а кромѣ Велеса съ кѣмъ изъ боговъ можно его отождествить хотя съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ? Во-вторымъ, Велесъ и мѣсяцъ имѣютъ много точекъ соприкосновенія. Рогатый мѣсяцъ прямо просился въ боги скота; загадки даже называютъ его лысымъ воломъ [2]). Пастухи, кочующіе въ полѣ, къ кому должны были обращаться съ молитвой о своихъ стадахъ, если не къ мѣсяцу? Сравненіе мѣсяца съ пастыремъ, а звѣздъ съ овцами самое естественное и дѣйствительно употребляется въ народѣ [3]). Пастуху всегда придавалась свирѣль, да и по занятіямъ своимъ онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь

---

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 75.
[2]) Тамъ же, стр. 152.
[3]) Тамъ же, стр. 692.

другой, имѣетъ удобства заниматься музыкой и пѣснями,—и вотъ свирѣль дали и Велесу мѣсяцу, и пѣвцовъ (напримѣръ Бояна) зовутъ Велесовыми внуками (сравните пастыря Аполлона, онъ же и богъ поэзіи). Одинъ заговоръ прямо доказываетъ, что мѣсяць находился въ особыхъ отношеніяхъ къ животнымъ—даже и дикимъ: «Въ чистомъ полѣ младъ-мѣсяцъ народился, отъ мѣсяца—младъ-молодецъ на ворономъ конѣ; по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, на головѣ кудри въ золотѣ. Сѣчетъ топоромъ мѣсо и кидаетъ на мою отраву» [1]) (Заговоръ охотничій. Вороной конь означаетъ ночь. Сравни описаніе молодца съ обращеніемъ къ мѣсяцу: «мѣсяцъ, мѣсяцъ! серебряныя твои ножки, золотые рожки!» [2]). Тутъ впрочемъ есть смѣшеніе съ Ярилой—Егорьемъ храбрымъ, но все-таки можно видѣть, что и мѣсяцъ не былъ чуждъ животнымъ. У чеховъ есть поговорка—уйти за море къ Велесу, что объясняютъ царствомъ мертвыхъ, а мѣсяцъ имѣетъ съ мертвыми тѣсную связь по нашимъ преданіямъ [3]). Противъ сходства мѣсяца съ Велесомъ возражаютъ только то, что Велесъ призывался во время жатвы [4]), значитъ это богъ солнечный. Но развѣ мѣсяцъ, по мнѣнію народа, не имѣетъ вліянія на растительность? Повѣрій въ этомъ родѣ бездна. Напримѣръ, у насъ на Руси говорятъ, что 5 іюля праздникъ мѣсяца [5]). Въ эту ночь онъ играетъ на небѣ, какъ солнце въ утро Иванова дня. Люди выходятъ глядѣть на эту игру и по ней судятъ, каковъ будетъ урожай (рожь наливается именно въ это время).

Женой мѣсяца въ древнѣйшій періодъ было, какъ мы видѣли, само солнце, а денница была его возлюбленной. Впослѣдствіи она считалась его сестрой, а кажется и супругой. По крайней мѣрѣ о любви мѣсяца къ деннинѣ остались и по-нынѣ пѣсни:

---

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 731.

[2]) Тамъ же. стр. 199.

[3]) Тамъ же, стр. 426. Въ заговорахъ отъ зубовъ говорится: ты, мѣсяцъ молодика, слыхалъ ли ты. чтобъ у мертваго зубы болѣли?... Нѣтъ?—Ну, такъ пускай и у живаго не болятъ.

[4]) Извѣстный обрядъ завиванія бороды Волосу.

[5]) Почему именно 5 іюля,—отвѣтъ можно найти въ календарѣ: 5 іюля празднуется св *Лампаду*. Что же касается до сродства между именами Велесъ и Беліосъ то вѣдь Селена—луна принадлежитъ къ тому же корню, такъ что этимъ ничего нельзя доказать.

Переборъ мѣсячекъ, переборъ!
Всѣ звѣздочки перебралъ,
Одну себѣ облюбилъ,
Хоть она и маленькая,
Да ясненькая,
Межь всѣхъ звѣздъ значненькая [1]).

Денница распадается въ преданіяхъ на утреннюю и вечернюю звѣзду: денницу и вечерницу. Послѣдняя называлась также звѣреницей. Вѣроятно, она одно существо съ Дивицей лужичанъ, Деваной чеховъ и Девоной поляковъ (Діана). Это воинственная дѣва, которая въ лунныя ночи бѣгаетъ съ лукомъ и стрѣлами по лѣсамъ и охотится за звѣрями.

Есть еще у солнца и мѣсяца Заря-зоряница, солнцева сестрица (тоже раздѣляется иногда на утреннюю и вечернюю). Это совершенно особый типъ, напоминающій отчасти Фрею, отчасти Палладу. Дѣва Заря сидитъ на Буянъ-островѣ, на золотомъ престолѣ и ткетъ алую фату, которую она потомъ раскидываетъ по небу [2]). Къ ней обращались славянскіе воины передъ битвой, прося, чтобъ она покрыла ихъ своей алою фатой и защитила отъ ранъ. Вотъ одна изъ этихъ молитвъ:

Ѣду на гору высокую, далекую,
Ѣду по облакамъ и водамъ,
А на горѣ высокъ теремъ боярскій,
А во теремѣ красна дѣвица...
Возьми дѣвица отцовскій мечъ-кладенецъ,
Панцырь дѣдовскій, шлемъ богатырскій,
Отопри ты коня ворона,
Выѣзжай въ чистое поле,
А во полѣ стоитъ рать могучая,
А въ рати оружій смѣты нѣтъ...
Закрой меня дѣвица фатой своей отъ силы вражей,
Отъ пищали, отъ стрѣлъ, отъ копья,
Отъ борца, отъ кулачнаго бойца [3]),
Ото всякаго дерева русскаго и заморскаго,
Отъ укладу (стали), отъ камня и отъ косы.

Въ этомъ договорѣ дѣва Заря является очень схожей съ германскими валькиріями. Подобно имъ, она занимается и леченіемъ

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 78.
[2]) Тамъ же, стр. 86.
[3]) Тамъ же, стр. 275.

ранъ. Вотъ заговоръ противъ раны: «на морѣ окiанѣ (небесномъ), на островѣ Буянѣ бѣлъ горючъ камень, на камнѣ золотой столъ, на столѣ красна дѣвица. Держитъ иглу золотую, вдѣваетъ нитку шелковую рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя; нитка оборвалась, руда унялась» [1]). Подобно тѣмъ же валькирiямъ, Заря дорожитъ дѣвствомъ и не выходитъ замужъ. Впрочемъ есть темное преданiе, что и она, какъ Фрея и греческая Эосъ, плѣнилась однажды смертнымъ витяземъ [2]).

Затѣмъ слѣдуютъ дѣти солнца: это—Лель и Полель, Ярило и Чуръ. Первые два указываютъ на родство съ солнцемъ уже самыми своими именами. Солнце называется и Лелемъ и Ладомъ, а Лель и Полель въ одномъ преданiи носятъ имя диди-Лель и диди-Ладъ. Происхожденiе остальныхъ двухъ боговъ постараемся доказать въ своемъ мѣстѣ. Леля и Полеля изслѣдователи до сихъ поръ какъ-то обходили и даже не совсѣмъ довѣряли подлинности именъ, несмотря на то, что эти боги по-нынѣ воспѣваются въ пѣсняхъ. Дѣло въ томъ, что Лель и Полель встарину сравнивались съ Эротомъ и Антеротомъ, и этого было довольно, чтобы счесть ихъ выдуманными. Вообще врядъ ли что сдѣлало такъ много вреда славянской миѳологiи, какъ это ни на чемъ не основанное недовѣрiе къ древнѣйшимъ нашимъ миѳографамъ. Почти всѣ божества, о которыхъ они говорили, отыскиваются въ преданiяхъ устныхъ или письменныхъ (напримѣръ Дидилiя и Симжерла). Люди эти не виноваты, что имъ часто попадали искаженныя имена и что сами они не имѣли достоточно свѣдѣнiй, чтобы вѣрно опредѣлить значенiе какого-нибудь божества. Еще спасибо имъ, что они сохранили для насъ значительное количество божескихъ именъ, которыя сами по себѣ объясняютъ многое въ нашей миѳологiи. Но возвратимся къ предмету.

Лель и Полель—это индiйскiе Ахвины, греческiе Дiоскуры. Преданiе, записанное въ старинныхъ хронографахъ, гласитъ, что

---

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 223.

[2]) Тамъ же, стр. 615. Добрый молодецъ похвалился, что обгонитъ солнце. Услышало объ этомъ солнцева сестра (заря) и сказала объ этомъ брату, а тотъ предложилъ закладъ. Въ случаѣ пораженiя, молодецъ лишался коня, а въ случаѣ побѣды получалъ солнцеву сестру. Молодецъ выигралъ. Въ вышеупомянутомъ заговорѣ, какъ онъ напечатанъ у Сахарова, молодецъ, произносящiй заклятiе, называетъ зарю своей зазнобой. Если это не искаженiе, то должно относиться къ тому же миѳу.

братья Дидъ-Лель и Дидъ-Ладъ [1]) княжили нѣкогда надъ людьми, благодѣтельствовали имъ и между прочимъ научили ихъ пчеловодству. Значитъ Лель и Полель суть полубоги и, какъ такіе, они конечно вдвойнѣ для насъ любопытны. Чтобы понять ихъ значеніе, надо обратить вниманіе на святыхъ, которые ихъ замѣнили впослѣдствіи. Въ достовѣрныхъ преданіяхъ мы встрѣчаемъ три четы святыхъ, которые очевидно раздѣлили между собой обязанности славянскихъ Ахвиновъ.

Первая чета—Зосима и Савватій. Народъ не извѣстно почему приписалъ именно имъ изобрѣтеніе пчеловодства. То же самое приписываетъ хронографъ Лелю и Ладу. Если мы будемъ имѣть въ виду, что Лель и Ладъ кромѣ того боги любви и брака [2]), то получится миѳъ очень изящный. Вспомнимъ, что пчела всегда служила эмблемой любви (сладость меда и горечь жала).

Вторая чета—Козьма и Демьянъ. Они представляются въ преда- кузнецами [3]) (по сходству словъ кузнецъ и Кузьма), куютъ первый тиръ для людей, укрощаютъ чудовищнаго змѣя и прокладываютъ на немъ первую борозду по землѣ. Но сюда же относится и миѳъ о кузнецахъ, кующихъ судьбу человѣческую. Въ пѣснѣ о Святогорѣ разсказывается, какъ богатырь этотъ ѣдетъ къ сѣвернымъ городамъ. «А тамъ подъ великимъ древомъ стоитъ кузница желѣзная и въ ней куетъ кузнецъ два тонкихъ волоса.—«Что ты куешь? спрашиваетъ богатырь.—«Судьбу человѣческую: на комъ кому жениться». На древнемъ языкѣ подъ судьбой разумѣется главнымъ образомъ бракъ. Сюда же относится извѣстная подблюдная пѣсня, которая пророчитъ бракъ:

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ въ рукахъ три молота, и пр.

Но вотъ настоящая обрядная пѣсня, которой встарину закликали Ахвиновъ, чтобъ они пришли на свадьбу и сковали крѣпкое супружество молодымъ:

---

[1]) Дидъ объясняютъ обыкновенно дѣдомъ. Но кажется основательнѣе поступали старинные писатели, сближавшіе это слово съ литовскимъ *дидисъ* (великій).

[2]) Такими ихъ считали всѣ старинные писатели, да и свадебныя пѣсни, понынѣ призывающія ихъ имена, не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшихъ сомнѣній.

[3]) Аѳ. т. 1, стр. 561.

«Вы, святые Кузьма-Дамьянъ (Лель и Полель),
Приходите на свадьбу къ намъ,
Со своимъ со святымъ кузномъ,
И вы скуйте намъ свадебку
Крѣпко, крѣпко и накрѣпко:
Люди хулять, не расхулять,
Вѣтеръ вѣетъ, не развѣсть,
Солнце сушитъ, не разсушитъ,
Дожди стоятъ, не размочатъ» [1]).

Теперь мы видимъ, что правы писатели, называвшіе Леля и Полеля богами любви. Только слѣдуетъ прибавить: любви законной. Для другой имѣлось особое божество—Ярило.

Третья чета—Борисъ и Глѣбъ [2]). Имъ придавалась воинственная, грозная сторона Діоскуровъ.

Впрочемъ сказанія объ этихъ святыхъ коренятся на совершенно-исторической почвѣ ,такъ что здѣсь сходство—дѣло случая. О жертвахъ Лелю и Полелю извѣстно только то, что 1 ноября, въ день Кузьмы и Демьяна, есть обычай рѣзать пѣтуха въ овинѣ. Самый этотъ день называется куриными именинами. Пѣтухъ и курица—символъ семейства.

Остается упомянуть о Чурѣ и Ярилѣ. Первый извѣстенъ до сихъ поръ бѣлоруссамъ, которые впрочемъ считаютъ много Чуровъ, говоря, что къ каждому человѣку приставленъ свой, который и охраняетъ пограничные знаки его имѣнья, то-есть, по-тамошнему, земляныя насыпи, огороженныя тыномъ. Очевидно, это то же, что римскій термъ (Сравните слова чурка и чурбакъ, произшедшіе конечно отъ того же чуръ). Символомъ терма былъ именно пограничный чурбакъ. Но кромѣ того нашъ Чуръ имѣетъ много общаго съ Гермесомъ. Всѣмъ извѣстно выраженіе: «чуръ вмѣстѣ», которое говорятъ, найдя что-нибудь сообща. Выраженіе это совершенно тождественно греческому Гермесъ—общій, употреблявшемуся въ тѣхъ же случаяхъ. На тождество Чура съ Гермесомъ указываютъ еще греческія черты (то же, что термы и чурки), обрубки, которые встарину почитались какъ изображеніе Меркурія. Имѣя въ виду это поразительное сходство, легко найти

---

[1]) Аѳ. т. 1, стр. 467.

[2]) Близость двоевѣрныхъ преданій о Борисѣ и Глѣбѣ къ таковымъ же о Козьмѣ и Демьянѣ видна изъ того, что кованье перваго плуга приписывается одинаково и тѣмъ и другимъ.

много подходящаго къ Гермесу въ богатырскихъ пѣсняхъ о Чурилѣ Пленковичѣ. Извѣстно, что многіе богатыри Владимірова круга суть въ сущности божества, низведенныя на землю и пріуроченныя къ другой обстановкѣ. И Чурило имѣетъ въ себѣ не мало миѳическаго: легкая поступь (Гермесъ), необыкновенная красота, свойство влюблять въ себя всѣхъ женщинъ (тутъ онъ сближается нѣсколько съ Туромъ или Ярилой). Но кромѣ того онъ сынъ купца и самъ купецъ. Замѣтно въ немъ и особенная шаловливость, свойственная Меркурію. Однимъ словомъ, изъ всего, что дошло до насъ о Чурѣ или Чурилѣ, мы имѣемъ полное право заключить, что это богъ тождественный съ Меркуріемъ, богомъ позднѣйшихъ, нѣсколько развитыхъ житейскихъ отношеній, торговли и всякаго прибытка. Кромѣ того нашъ Чуръ имѣетъ еще одно важное значеніе. Слово чуръ очевидно близко къ щуръ или родоначальникъ. Имѣя въ виду, что русскіе считали себя внуками Дажбога солнца, можно предположить, что они ниже Дажбога ставили его сына Чура, который соотвѣтствовалъ въ этомъ случаѣ скандинавскому Геймдалю и былъ подобно ему отцомъ человѣческихъ поколѣній, а слѣдовательно полубогомъ, какъ Лель и Полель. Это объяснитъ намъ, почету Чурило въ пѣсняхъ сдѣланъ простымъ человѣкомъ, удержавши однако божеское имя. Да и любовныя его нохожденія съ кіевлянками напоминаютъ таковыя же Геймдаля, который черезъ это и сдѣлался вторымъ родоначальникомъ людей *). Таковъ смыслъ бога Чура.

Что Ярило былъ сынъ солнца, выходитъ изъ того, что онъ представляетъ одну изъ сторонъ Дажбога—буйную, пріаническую. Кромѣ того при Ярилѣ всегда упоминается его мать, которая вмѣстѣ съ нимъ отмыкала рай и выпускала весну. Эта мать, конечно, Лада-весна, жена солнца. Послѣ христіанства изъ Ярилы по сходству имени сдѣлали Юрія, тѣмъ болѣе, что и Егорьевъ день приходился весной.

Обрядъ весенняго Ярилы или Юрія заключается въ томъ, что въ этотъ день выпускаютъ скотъ въ ноле, при чемъ поются извѣстныя пѣсни. Скотъ, въ особенности быки, были посвящены

*) О Чурѣ смотри Аѳ. т. 1, стр. 90, и Зыбникова т. 2, примѣчанія Безсонова. Безсоновъ сближаетъ филологически слова Чуръ и Гермесъ. Что касается до частныхъ Чуровъ бѣлорусскихъ, то это родоначальники отдѣльныхъ вѣтвей или семействъ,—то же, что дѣдушки домовые. Сравни слово *пращуръ*.

Ярилѣ, какъ богу плодородія и чувственной любви. Одно изъ его именъ есть Туръ, что въ иныхъ нарѣчіяхъ означаетъ фаллосъ. Вообще же смыслъ миѳа тотъ, что въ Юрьевъ день начинается настоящая весна, и природа вполнѣ оживаетъ и исполняется новыхъ силъ. Это народъ символически изображаетъ отмыканіемъ рая и пріѣздомъ Ярилы съ неба на землю. Вотъ мѣста изъ пѣсней [1]:

«Юрьева мати
По небу ходила,
Съ Юрьемъ говорила:
А Юрій, мой Юрій,
Подай Петру ключи,
Землю отомкнути,
Траву выпустити,
Скотъ накормити.....»
Или:
«Разыграйся Юрьевъ коникъ,
Вороненькій коникъ!
Разбей камень копыточкомъ,
Пригожій коникъ» (далѣе въ томъ же родѣ).

Бѣлорусы, которые такъ хорошо помнятъ другихъ боговъ, помнятъ и наружность Ярилы [2]. Онъ, по ихъ мнѣнію, ѣздитъ на бѣломъ конѣ (Егорій храбрый) и въ бѣломъ плащѣ; на головѣ у него вѣнокъ, въ рукахъ колосья, ноги босыя. Во время первыхъ посѣвовъ дѣвушки выбираютъ изъ себя одну, одѣваютъ ее Ярилой, сажаютъ на бѣлаго коня и идутъ за ней по засѣянному полю, имѣя на головахъ вѣнки и восхваляя Ярилу:

«Гдѣ онъ ногою,
Тамъ жито копною;
Гдѣ онъ ни взглянетъ,
Колосъ зацвѣтетъ».

За Юрьевымъ днемъ и праздникомъ посѣвовъ идутъ Семикъ, Троица и другіе весенніе праздники. Всѣ они посвящены тѣмъ же Ладѣ и Ярилѣ, которые изображаются иногда убранными березками, иногда однимъ или двумя чучелами въ мужскомъ, либо въ женскомъ платьѣ. Ихъ убираютъ цвѣтами и лентами, пляшутъ

---

1) Бѣлорусскія пѣсни.
2) Аѳ. т. 1, стр. 441.

вокругъ нихъ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ уже извѣстная намъ Купала. Вскорѣ послѣ нея (въ первое воскресенье послѣ Петрова поста), когда дни начинаютъ убывать, наступаетъ конецъ царству Тура—Ярилы. Тогда празднуются похороны Ярилы, хоронятъ или топятъ чучелу съ аттрибутами Пріама, плачутъ, причитаютъ и поютъ разгульныя пѣсни, обнадеживая себя, что весенній богъ снова оживетъ. Эти похороны Ярилы, кажется, между всѣми праздниками отличались особенно грубымъ развратомъ, да и производились совершенно публично по городамъ, почему церковь ихъ особенно преслѣдовала.

Буйный Ярило, покровительствуя домашнимъ животнымъ, покровительствовалъ и дикимъ. На этомъ основаны преданія о томъ, какъ Егорій храбрый пасетъ волковъ и назначаетъ имъ добычу. Ему дается помощникъ, Полисунъ, махнатый и съ козлиными ногами, начальникъ лѣшихъ (Панъ или Сатиръ). Когда готовится гдѣ-нибудь война, Полисунъ гонитъ свое стадо въ эту сторону, хлопая своею плетью, удары которой далеко раздаются. По временамъ онъ пригоняетъ волковъ къ Юрію и тотъ кормитъ ихъ хлѣбомъ [1]) (сравни олонецкія преданія о Мусайлѣ лѣсѣ.

Полисунъ составляетъ переходъ отъ свѣтлыхъ небесныхъ боговъ къ земнымъ, стихійнымъ. Преданій о послѣднихъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе, чѣмъ о первыхъ, но они не имѣютъ такой важности, почему мы и не будемъ здѣсь о нихъ распространяться. Скажемъ только, что и у славянъ, какъ у другихъ народовъ, природа была наполнена божествами. Въ лѣсу жили лѣшіе, сердитые и вспыльчивые, но впрочемъ честные и не вредившіе людямъ безъ причины; въ водахъ—дѣды водяные и русалки: послѣднія—существа лукавыя, прихотливыя и очень опасныя; въ домахъ—домовые, духи полезные для людей, если умѣть съ ними ладить. Наконецъ, въ горныхъ мѣстахъ славянщины извѣстны были и горныя богини: бѣлыя вилы; преданія о нихъ особенно многочисленны въ Сербіи и Болгаріи. Онѣ, подобно русалкамъ, подчасъ бываютъ злобны, но впрочемъ любятъ удальцовъ, помогаютъ имъ въ битвахъ и даютъ полезные совѣты. Къ виламъ близки роженицы или парки. Иные говорятъ, что ихъ много, другіе считаютъ только трехъ и помѣщаютъ ихъ въ горной пещерѣ; оттуда онѣ приходятъ къ новорожденнымъ и изрекаютъ имъ судьбу [2]).

---

1) Аѳ. т. 1. стр. 711.

2) Тамъ же, т. 3, стр. 334.

Скажемъ нѣсколько словъ о храмахъ и жрецахъ славянъ. Наибольшаго развитія миѳологія достигла на Поморьѣ, и мы знаемъ, что тамъ были храмы довольно великолѣпные, по мнѣнію самихъ германцевъ, и сильное жреческое сословіе. О другихъ славянахъ долгое время почему-то существовало мнѣніе, что у нихъ не было ничего, кромѣ домашняго богослуженія, и ни въ какомъ случаѣ не было храмовъ и жрецовъ. Въ настоящее время однако всѣми, кажется, признано, что по крайней мѣрѣ при Владимірѣ въ главныхъ городахъ Руси уже существовали храмы, ибо объ этомъ есть современное свидѣтельство. Но признавъ это, многіе стараются доказать, что храмы и человѣкоподобные истуканы были заведены только Владиміромъ, и то подъ чужимъ вліяніемъ, а если и было что-нибудь ранѣе, то опять-таки это надо приписать заимствованію изъ Скандинавіи. Однако мы знаемъ, что русскіе очень задолго до Владиміра составляли большія племена, имѣли значительные и торговые города, служившіе средоточіемъ для обширныхъ странъ, имѣли и князей, подчасъ весьма сильныхъ. Мыслимо-ль, чтобы такіе народы не догадались поставить истуканы боговъ на городской площади и завести имъ общественныя жертвы, когда еще недавно на похороны Ярилы сходились цѣлые города? Но разъ, что были всенародные боги, трудно предположить, чтобы нигдѣ въ цѣлой Руси не было сдѣлано надъ истуканами какого-нибудь навѣса, чтобы не было ограды вокругъ капища, а это уже составляетъ храмъ. Точно также невозможно, чтобы не было людей, смотрѣвшихъ за истуканами, заготовлявшихъ жертвы и распоряжавшихся при жертвоприношеніяхъ, которыя у всѣхъ народовъ были обставлены многими и сложными обрядами, далеко не всѣмъ извѣстными въ точности. Значитъ, должны были быть и жрецы. О нихъ и дѣйствительно остались преданія въ Новгородѣ; можно было бы, кажется, принять ихъ существованіе хотя въ этомъ городѣ, богатомъ и имѣвшемъ вдобавокъ близкую связь съ варягами и Поморьемъ. Мы, конечно, вполнѣ согласны, что жрецы большей части славянъ никакъ не могли равняться съ поморскими вліяніемъ на дѣла и уваженіемъ въ народѣ.

Быстрота, съ которой вводилось христіанство у большинства славянъ, объясняемая обыкновенно скудостію астрологіи и отсутствіемъ общественнаго богослуженія, по нашему мнѣнію, объясняется силой князей (обусловленной отсутствіемъ аристократіи), великимъ уваженіемъ, которымъ они пользовались въ на-

родѣ, а главное—мягкостію славянъ и податливостію ихъ на все новое. Да и сами славяне поморскіе—развѣ они ужь такъ были враждебны христіанству? Дѣйствительно, они оказались упорнѣе другихъ, и нельзя отвергать, что тутъ имѣли вліяніе большое значеніе, которымъ у нихъ пользовались жрецы, и слабость княжеской власти. Однако, несмотря на это, какъ легко приняли, напримѣръ, щетинцы, мало имѣвшіе дѣла съ нѣмцами, христіанство, принесенное къ нимъ хорошимъ человѣкомъ. Конечно, столь же легко приняли бы его и остальные поморяне, еслибы къ нимъ являлись съ проповѣдью апостолы Христа, а не саксонскіе разбойники.

Такъ какъ для насъ, конечно, всего любопытнѣе русская миѳологія, то не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи скандинавскаго обряда къ славянскому въ древнемъ Кіевѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ донынѣ смущаетъ многихъ, а почему—про то они вѣдаютъ. Именно спрашиваютъ: если Русь была норманнами, то какимъ образомъ она покланялась славянскимъ богамъ и клялась Перуномъ и Волосомъ? На это отвѣчаемъ: когда Аскольдъ, а потомъ Олегъ прибыли съ дружиной въ Кіевъ и увидѣли среди города холмъ съ оградой и на холму дубоваго болвана съ каменнымъ молотомъ въ рукахъ, что имъ оставалось дѣлать?—Полагаю, именно то, что они сдѣлали: пасть ницъ передъ Торомъ и почесть громовника. Не думаю, чтобъ ихъ могло остановить то обстоятельство, что туземцы звали этого болвана не Торомъ, а Перуномъ: они хорошо знали, что у громовержца прозваній много и сами звали его по меньшей мѣрѣ двадцатью именами.

Священный холмъ кіевскій сдѣлался священнымъ и для варяговъ, и они, когда было нужно, ходили туда кланяться Тору. Можетъ-быть они имѣли кромѣ того свои капища съ норманскими жрецами, можетъ-быть они прогнали съ холма славянскихъ и приносили жертву по своему обряду,—насчетъ этого мы ничего не знаемъ. Впрочемъ скоро христіанство стало распространяться въ самой Скандинавіи, и кіевскимъ норманнамъ-язычникамъ поневолѣ приходилось держаться въ дѣлѣ вѣры славянъ, какъ болѣе твердыхъ въ почитаніи громовника.

Почему же, спросятъ, въ договорахъ русскіе клянутся все-таки не Торомъ, а славянскимъ Перуномъ?—Потому что договоръ былъ написанъ по-славянски; будь онъ на норманскомъ языкѣ—иное дѣло. Въ томъ же договорѣ говорится о кесарѣ Львѣ. Или

скажуть, что это особый славянскій кесарь, а не греческій Леонтъ. Да имя Тора по-славянски и написать-то какъ слѣдуетъ было невозможно. А гдѣ же, спросятъ, Одинъ, верховный богъ? Тамъ же, гдѣ и Торъ. «Да не имамы помощи отъ бога, ни отъ Перуна». Вотъ Одинъ—всеотецъ. Болгарскій писарь опять-таки нашелъ нужнымъ вносить въ договоръ чужое имя, когда ясно понималъ, что рѣчь идетъ о старшемъ богѣ, богѣ но преимуществу.

А Волосъ какъ сюда попалъ?—Волоса нѣтъ въ первыхъ договорахъ. Что Олегъ клялся подъ Цареградомъ Перуномъ и Волосомъ, это сказано въ текстѣ лѣтописи, а не въ договорѣ Олега. Мы полагаемъ, что лѣтописецъ сказалъ это по догадкѣ, зная, что впослѣдствіи всегда клялись Перуномъ и Волосомъ. Самого Перуна не упоминается въ первомъ договорѣ и на немъ нельзя основать рѣшительно ничего. Волосъ же является въ первый разъ только въ договорѣ Святослава, когда норманны начали славяниться. Впрочемъ онъ имѣлъ совершенно особое капище за городомъ, какъ и прилично скотьему богу, въ городѣ же его не почитали. Норманны, вѣроятно, воздавали ему поклоненіе, отождествляя его съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ боговъ, а можетъ-быть и не отождествляя. Во всякомъ случаѣ, онъ такъ уважался большинствомъ населенія и наконецъ былъ такъ нуженъ для народа, что великому князю нельзя было не поминать при случаѣ его имени.

О богахъ, поставленныхъ Владиміромъ, говорить нечего, ибо въ это время норманство потеряло всякое значеніе и Кіевомъ верховодили туземцы и пришлые новгородцы, а норманны почти преслѣдовались.

Для полноты нашей статьи надо было бы изложить вѣрованія славянъ о загробной жизни и концѣ міра. Но сдѣлать это было бы не легко, ибо преданія языческія такъ слились съ христіанскими понятіями, что трудно ихъ выдѣлить. Знаемъ, что люди, по мнѣнію славянъ, были безсмертны; знаемъ, что они, по мнѣнію однихъ, по смерти отправлялись въ ладьяхъ къ Ситиврату или Велесу, по мнѣнію же другихъ подымались на небо по отвѣсной и гладкой горѣ, за которую надо было цѣпляться ногтями. Для этого славяне имѣли обычай беречь остриженные ногти и класть ихъ съ собой въ гробъ, также и когти звѣрей *). Они были

*) Аѳ. т. 1, стр. 120.

убѣждены, что мертвые могутъ иногда возвращаться на землю и являться живымъ; имѣли кажется понятіе и о томъ, что грѣшники терпятъ наказаніе на томъ свѣтѣ (По крайней мѣрѣ въ народныхъ разсказахъ о наказаніи грѣшниковъ есть черты видимо туземныя, а не занятыя). Еще труднѣе сказать, что, по мнѣнію славянъ, ожидало міръ, должна ли борьба двухъ началъ продолжаться вѣчно или нѣтъ? Тутъ можно только замѣтить нѣкоторыя черты, какъ будто сходныя съ германскимъ миѳомъ о концѣ свѣта. Напримѣръ волкъ, который хочетъ поймать мѣсяцъ и старается разорвать упряжь колесницы мірозданія—большой медвѣдицы (у германцевъ Фенриръ, который въ концѣ временъ проглотитъ Одина). Преданія объ огненной рѣкѣ, которая потечетъ въ концѣ свѣта, о добрыхъ и злыхъ витязяхъ, которые заключены въ горахъ и вступятъ въ бой при концѣ міра—все это указываетъ, что и у славянъ было преданіе о какомъ-то послѣднемъ богѣ добра и зла. Болѣе сказать трудно. Впрочемъ, при большемъ накопленіи источниковъ, этотъ вопросъ вѣроятно разрѣшится.

Вотъ выводы, къ которымъ мы пришли: славянская миѳологія была далеко не бѣдна. При теперешнихъ, еще далеко не полныхъ источникахъ, оказалось возможнымъ возстановить до 20 отдѣльныхъ и опредѣленныхъ божествъ съ приблизительною родословной. Многіе миѳы, дошедшіе до насъ, красотой напоминаютъ греческіе и пожалуй превосходятъ германскіе. Говоримъ, конечно, только о красотѣ, о не о содержаніи. А такъ какъ новые источники появляются каждый годъ, и похоже, что это продолжится еще долго, то надѣемся, что въ скоромъ времени русскій народъ узнаетъ свою миѳологію несравненно яснѣе и лучше, чѣмъ мы могли ее изложить въ нашей статьѣ.

**Н. Квашнинъ-Самаринъ.**